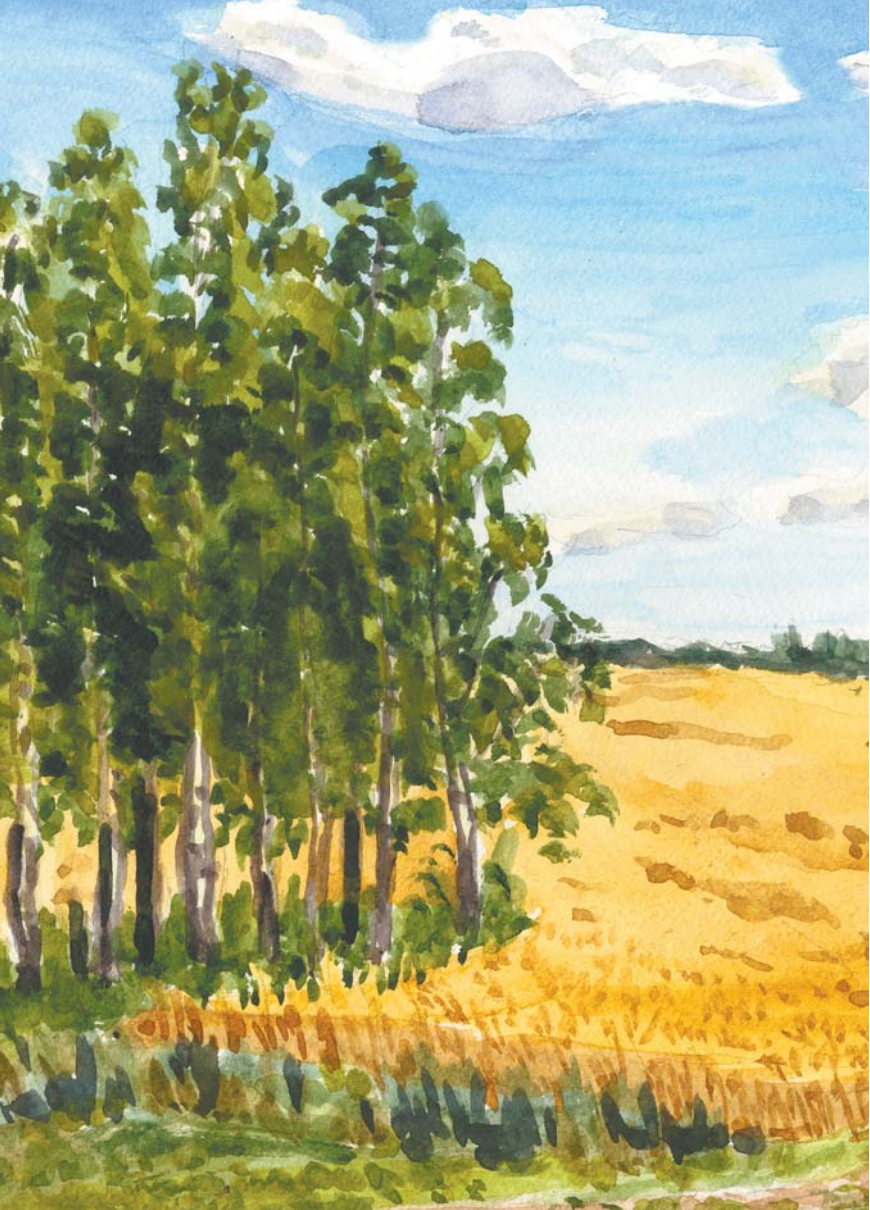

*Посвящается памяти моей сестры
Людмилы Николаевны Дудиной*

Елена Егорова

***Под вечной сенью
небосклона***

Стихи, очерки

**Москва
2013**

ББК 84(2Рос–Рус)6–5

Е 30

Егорова Е.Н. Под вечной сенью небосклона // Стихи и очерки. — Москва: Московская областная организация Союза писателей России (литературное объединение «Угреша»); Благотворительный фонд «Наш город», 2013. — 256 с., илл.

Книга открывается очерком и стихами о любимой сестре автора Людмиле Николаевне Дудиной, безвременно ушедшей из жизни в 2012 году. Её светлой памяти посвящён сборник.

В издание включены произведения 2008–2013 годов, большинство из которых публикуется впервые, а также несколько избранных стихотворений прошлых лет. Это циклы стихов о паломничествах и путешествиях, о православных святынях и храмах, о Николо–Угрешском и Екатерининском подмосковных монастырях, о родной природе, лирические произведения о земной и небесной любви, философские, молитвенные стихи. Творческий стиль автора отличается глубиной и одновременно простотой образов, ясностью, музыкальностью и богатством языка, красотой и разнообразием рифмы и ритма.

Завершается книга документальным рассказом «Четырнадцатилетний учитель» о родителях автора — Николае и Валентине Егоровых — в годы Великой Отечественной войны.

Издание оформлено акварелями и рисунками автора, фотографиями из личного архива, а также работами художников Дмитрия Шабунина, Елизаветы Нистратовой, Ольги Суховой, Анастасии и Владимира Шуховых, Марии Сальковой, Виктора Жижирина и инока Сергия (Волкова).

ISBN 978–5–9903866–5–5

© Егорова Е.Н., текст, дизайн, фото, акварели, графика, 2013

© Благотворительный фонд «Наш город», вёрстка, 2013

© Московская областная организация Союза писателей России, 2013

© Художники, соответствующие иллюстрации, 2013

Памяти сестры Людмилы

25 октября 2012 года ушла из жизни моя старшая сестра Людмила Николаевна Дудина, человек необыкновенно светлый, добрый, любивший людей и даривший сотням из них теплоту своей души.

Людмила родилась 9 февраля 1949 года в Москве, но уже в месячном возрасте родители Валентина Николаевна и Николай Алексеевич Егоровы привезли её в посёлок имени Дзержинского, где сами работали на заводе № 1 (ОЗХМ). Сюда же после окончания школы № 32 (ныне № 1) пришла работать и Людмила — сначала простой чертёжницей, потом, после получения диплома Московского автодорожного института, инженером-конструктором, а с конца 1980-х годов — нормоконтролёром в НИХТИ.

Переломная эпоха начала 1990-х годов сделала более востребованной её вторую специальность (она имела диплом медицинского училища с отличием), и Людмила перешла на работу в Москву, в Центр гигиенического образования населения, занималась также предпринимательством.

За два десятилетия Людмила Николаевна помогла очень многим обращающимся к ней людям обрести веру в Бога, духовное и телесное здоровье, радость отцовства и материнства.

*Людмила Дудина.
1970 г.*

Людмила Николаевна Дудина. 2000 г.

Она относилась как мать не только к двум родным дочкам Кате и Тане, но ко всем тем, кого присылал к ней Бог за помощью, ездила с ними по церквям и монастырям России и за рубеж, четырежды паломничала на Святую Землю, дважды была свидетельницей схождения Благодатного Огня в храме Гроба Господня. Её имя очень подходило ей: всю жизнь она была и людям мила, и к людям милосердна.

Паломничество в Израиль. Гора Блаженств. 2008 г..

В феврале 2009 года, поздравляя Людмилу с 60-летием, я прочла ей стихи с искренними и добрыми пожеланиями:

*Юбилей — не просто дата,
Это праздник для души!
А когда душа богата,
Хорошо на свете жить.*

*Дарят радость дочери, внуки,
Муж и вся твоя семья,
Окружают дом друзья —
Ни минуты нет для скуки.
И хозяйство, и работа,
Взрослые и малыши
Требуют твоей заботы
И вложения души.*

*В юбилей всего желаем,
Что возможно пожелать.
Вечно Божья благодать
Пусть с тобою пребывает.
Пусть стоит у изголовья
Белокрылый Ангел твой,
Будут доброе здоровье
И любовь в семье большой,*

*Уваженье и достаток,
Ни о чём чтоб не тужить...
Юбилей — не просто дата,
Это праздник для души!*

В тот день все тепло поздравляли Людмилу Николаевну, желали многолетия, дарили деньги на путешествия и паломничества. Никто не мог предположить, что через три с половиной года она уйдёт в Вечность.

Несмотря на ухудшение здоровья в 2012 году, Людмила продолжала много работать и, заботясь о других, себя не уберегла. 12 сентября во время отдыха на о. Родос в Греции, за день до запланированной ею паломнической поездки, случилось непоправимое — обширный инсульт, который вскоре осложнился отёком лёгких и сердечной недостаточностью. К сожалению, помощь, оказанная Людмиле Николаевне в Центральной больнице Родоса, была неквалифицированной, поставленный диагноз неверным. Страховая компания ВСК тогда отказалась полностью возместить стоимость лечения и транспортировки, признав случай нестраховым (страховое возмещение в размере примерно 60% расходов было выплачено нам только через семь месяцев).

Состояние сестры ухудшалось с каждым днём, и мы, её родные и друзья, за свой счёт организовали её перевозку санитарным авиарейсом в Москву. Я на два дня вылетала на Родос, чтобы проводить сестру Людмилу, находившуюся в глубокой коме, оплатить пребывание в госпитале, получить необходимые медицинские документы.

20 сентября 2012 года прибывшие на Родос во время российские реаниматологи вернули сестру к

жизни, доставили в Москву, затем в реанимационное отделение Дзержинской городской больницы, где врачи более месяца самоотверженно боролись за жизнь своей пациентки, используя все современные методики, лекарства и весь свой богатый опыт. Мы очень благодарны за поддержку главе г. Дзержинского Алексею Плешакову, главврачу Ольге Ефановой, заведующим отделениями Галине Рубанской и Надежде Лобановой, всему медперсоналу — за квалифицированную помощь Людмиле Николаевне Дудиной и за сердечное участие к нам, её родным и близким. В течение трёх недель ей становилось лучше, она нас начала узнавать. Но болезнь оказалась слишком тяжёлой, а сердце слишком больным...

27 октября в храм Дмитрия Донского проститься с новопреставленной Людмилой пришли не только родные и близкие, но и те, кому она много лет помогала, не жалея сил и здоровья. Для всех нас её кончина — это невосполнимая и неожиданная потеря любимого человека. Отпевание и похороны Людмилы Николаевны на новом кладбище г. Дзержинского Московской области были очень благоговейными. Светлая ей память «в род и род».

Во время поминок пожилая женщина по имени Галина рассказала, как 21 октября 2012 года, за четыре дня до кончины Людмилы Николаевны, по необычному стечению обстоятельств попала в Оптиной пустыни на исповедь и духовную беседу к прозорливому старцу Илию, и передала его откровение о моей сестре, которое всех очень утешило. Слова старца легли в основу стихотворения, посвящённого её памяти.

Елена Егорова

Памяти Людмилы Дудиной

— Батюшка Илий, помолитесь
о тяжело болящей Людмиле.

— Не плачьте о ней,
Господь призвал её в воинство Своё.

Из духовной беседы паломницы Галины
с прозорливым старцем Илием
в Оптиной пустыни

С веточек берёзоньки плакучих
Листья тихо падают дождём...
Призывает Бог так рано лучших
В воинство небесное Своё.

Кончено служение земное,
Светоносная отверста дверь
В бытиё нетленное, иное.
Господи, Свою прими дочь —

Ту, которая Тебя любила
И в любви и верности жила,
Людям теплоту души дарила,
Сердце ради нас своё сожгла.

Мы её всем миром схоронили,
Словно в землю тучную зерно.
Сгинут плевелы грехов в могиле,
Семена добра в саду ином

Прорастут цветами неземными,
Душу заслонив навек от зла.
Упокой Людмилу со святыми,
Боже, чтоб Тебе служить могла

И за нас молить, чтоб Аллилуйю
Воспевала с ангелами в лад,
И огнём молитвы силу злую
Отгоняла от любимых чад.

Образ светлый в памяти живущих
Никогда не порастёт быльём.
Призывает Бог так рано лучших
В воинство небесное Своё...

Паломничества и путешествия

Киево–Печерская лавра

1

В Днепровских волнах золотом отражаясь,
Ликуют древней лавры купола.
Чистейшим первым снегом расцвела
Земля святая. К церкви поднимаясь,

Молюсь Творцу. В небесные литавры
Колоколов ударил вдруг звонарь...
Оставлена блестящей жизни гарь
Без сожаленья за воротами лавры.

С надеждой многогрешными устами
Святынь касаюсь и пою тропарь.
Прочь отлетает, словно тёмный пар,
Всё злое пред живыми образами.

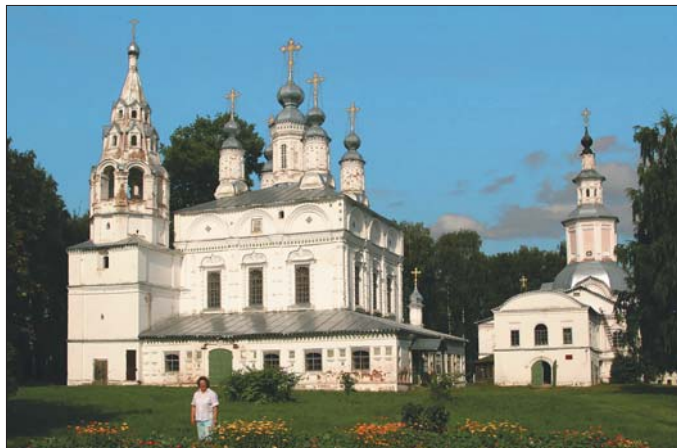
2

В пещерах, где святые почивают,
Сияют ярко звездочки свечей.
Исходит свет небесный от мощей
И аромат неизреченный рая,

Как будто неземное разнотравье
Цветёт вокруг... Здесь времени река
Смирила бег. Минувшие века
Вдруг ожили и стали новой явью...

Молясь святым подвижникам нетленным,
От мира отрешается душа
И, теплотой их святости дыша,
Склоняется перед Творцом Вселенной.

Великий Устюг

Веет вечной неизбывной грустью
Серебристых с чернью облаков.
Славен и смирен Великий Устюг,
Он хранит печать восьми веков.

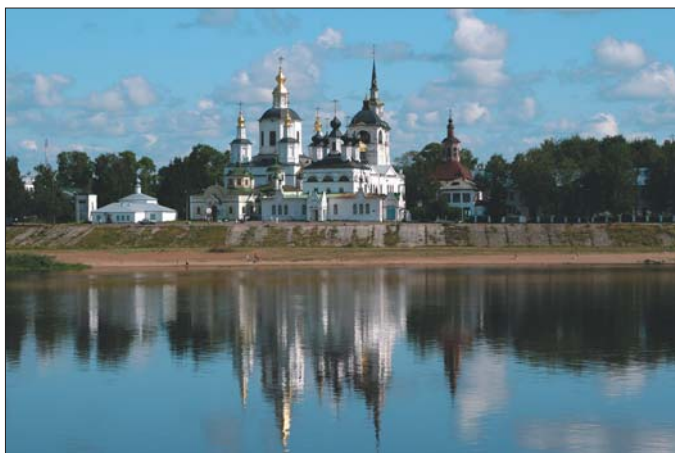
Он красив по-северному строго,
И народ его мастеровит.
Здесь Прокопий Устюжский пред Богом
С верой и любовью предстоит.

Выйдет солнце — Устюг весел сразу,
Многоцветен в венчиках лучей.

Над домами средь берёз и вязов
Золотятся маковки церквей.

Чист, прозрачен и прохладен воздух.
Всех сует с души спадает груз.
Чудится: в быстротекущих водах
Отражается сама Святая Русь...

В час тоски, чтоб духом отогреться,
Вспомню: в вологодском далеке
Город есть с исконно русским сердцем
На широкой Сухоне–реке.

Троице–Сергиева лавра

Утром солнышка лик сияющий
Будит Сергиев славный град.
Многокупольем ослепляющим
Лавра дивная тешит взгляд.

Над сторонешкой над раздольною
Стены мощные вознеслись.
Величавые колокольные
Изливаются звоны ввысь.

Люди тянутся на моление
Божьей милости испросить
И мощам святым поклонение
В храме Троицком совершить.

Душу грешную и скорбящую
Покаянием облегчить
И воды святой серебрящейся
Во часовенке расписной испить.

На закате дня отъезжающих
Провожает вдаль славный град.
Многокупольем ослепляющим
Лавра дивная тешит взгляд.

В Сергиевом Посаде

Купола вокруг, купола
Да кресты, златые кресты.
И полна душа, и полна
Этой жертвенной красоты,
Тихо молится вновь и вновь,
Славить Бога не устаёт,
И любовь, Христова любовь
В ней небесной птицей поёт.

Осень в Дивееве

Над златыми деревьями —
Купола золотые.
Сторона эта древняя —
Православья святыня.

Голубиные песни,
Воды рек голубые...
Ясен полог небесный,
Чисты духа глубины.

По Канавке ступает
Не спеша Богоматерь —
Не отнять, не убавить
Ни величья, ни стати.

С трав сдувает росинки
Перед Ней ветерочек...
Бьётся сердце России,
Верой светятся очи.

Не смолкают в Дивееве
Песнопенья святые.
Над златыми деревьями —
Купола золотые...

Благодатный Огонь

Во храме Гроба Господня
Огонь Благодатный нисходит
В Страстную Субботу. О, чудо!
Над пёстрой толпой многолюдной,
Под куполом, над головою
Метается пламя живое
В отсветах сверкающих молний
И свечи во тьме зажигает.
Плывёт благовест колокольный,
Весь храм ярким светом пылает.

Не жжётся Огонь Благодатный —
Приятным теплом согревает.
Ликует народ, прославляет
Щедроты любви необъятной
И милости Господа к людям...
Душа никогда не забудет
Огня Благодатного нежность
И радости сердца безбрежность.

С небес излился яркий свет златой,
И голубем прекрасным белоснежным
Спустился к Иисусу Дух Святой
И осиял весь мир живой надеждой...

О Иордан! Священную струёй,
От века людям благодать несущей,
Ты души наши грешные омой,
Чтоб нам вкушать духовный хлеб
насущенный.

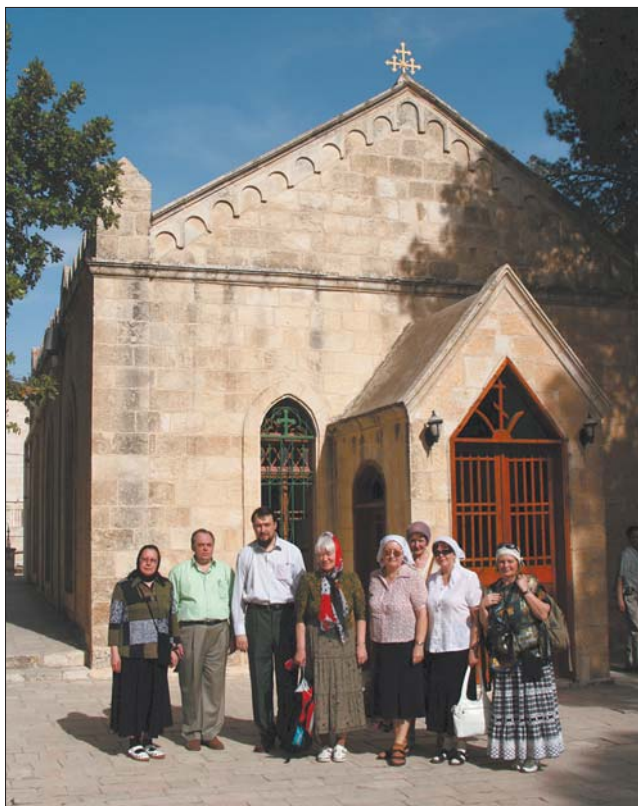

Вознесение

В священном Иерусалиме
Стоит Масличная гора.
Паломники неумоимо
Восходят с раннего утра
Туда, где древние оливы
С времён библейских шелестят,
Листы серебряным отливом
В лучах полуденных блестят.

Там некогда вилась тропа,
Которой шёл Христос к вершине,
Там в твёрдом камне и доньне
Впечатана Его стопа —
След достоверный Вознесенья.
Предрёк апостолам там Он
Святого Духа нисхождение
И, покидая Елеон,
Благословил на благовестье
До края самого земли
И в лучезарном поднебесье
Был облаком сокрыт вдали...

О благодатный Елеон!
Душа моя к тебе стремится,
Как жаждущая света птица.
Ты величаво вознесён

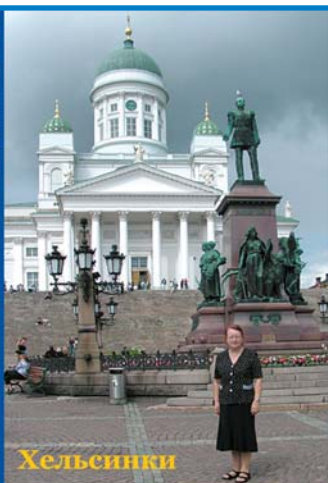

Над миром с бурными страстями.
Порою в грёзах я брожу
Твоими дивными садами
И сердцем к Богу восхожу.

Старая Европа

Очарованье европейских городов —
В старинных парках потаённых тропах,
В величии соборов и дворцов —
Свидетелей истории Европы,
В нагромождениях чумных колонн,
В журчанье мерном площадных фонтанов,
В рельефном благолепии икон,
В торжественном звучании органов.

Когда объедешь Англию, Прованс,
Взглянёшь на Рим с вершины Палатина,
Услышишь в сердце Вены дивный вальс,
А в Зальцбурге — концерт для клавесина;
Когда пройдёшься в Праге не спеша
По лабиринту старых улиц узких,
Поднимешься на холм, едва дыша,
В кастильском граде или андалузском,
Когда в немом восторге обозришь
Флоренцию с высокой башни Джотто,
Когда перед глазами весь Париж —
Как на ладони с птичьего полёта —
Душа замрёт от изумленья вдруг,
И, постигая красоты значенье,
Почувствует, что мир земной вокруг —
Единое Всевышнего творенье.

Венеция

Венеция чудесной сказкой
Перед глазами предстаёт:
Волнение лазурных вод,
Мосты, соборы, куклы, маски,
Костюмы, бусы из кораллов...
Великолепные дворцы,
Как драгоценные ларцы,
Глядятся в зеркало каналов.
Плывут гондолы лебедями,
Слегка качаясь на волнах.
Сверкают блики на весла́х,
Стекают капли жемчугами.
Лучи играют в белых арках
Венецианских галерей.
И стаи сизых голубей
Хватают зёрна с рук гостей
На площади святого Марка.
Мозаикой икон украшен,
Изящной мраморной резьбой
Собор, где Марк обрёл покой.
Застыл в полёте лев золотой.
Звонят часы старинной башни.
Мелькают радужные краски,
Взметнулась колокольня ввысь...
Венеция, чудесной сказкой
Морозной ночью мне приснись.

Вечерний Париж

Париж блестит огнями золотыми,
Играет Сена волнами стальными.
На небе тёмном блещет неугасшей
Свечой огромной Эйфелева башня
И предстают волшебной панорамой
Таинственные пики Нотр-Дама.

Хранят дворцов причудливые стены
Истории любви, борьбы, измены...
А рядом с ними вдоль реки широкой
Летят машины огненным потоком.
Как море, перед нашими очами
Блестит Париж вечерними огнями.

Память сердца

Ностальгия

Томительно приятна ностальгия
По прошлым невозвратным временам,
По дорогим до боли именам
Тех, кто давно ушёл в миры иные.

Их в памяти хранимые черты
Очищены от мелочности мира
И оттого необычайно милы
В сиянии нетленной красоты.

Сознание порою затуманит
Мечтания невольная слеза.
Минувшего живые голоса
Воображенье в небеса заманят.

Без них на белом свете не прожить,
К ним помыслы направлены благие.
Как благотворна эта ностальгия!
Ведь в ней — самостояние души.

Панихида

Смириться с потерями близких
Скорбящему сердцу непросто.
А тучи нависли так низко
Над церковью возле погоста.

Бьёт колокол. Теплятся свечи,
И сердце всё меньше болит.
Рождается чувство, что Вечность
Слова подсказала молитв...

Всё Богом устроено мудро:
И жёлтой листвы круговерть,
И осени хмурое утро,
И жизнь человека, и смерть.

Снежное видение

Снежинки падают безмолвно,
Как в медленном немом кино,
И город нежно и любовно
Укутывают пеленой,
Ажурным кружевом пуховым.
Оно на злате куполов,
На тонких веточках ольховых
Лежит и на стволах дубов.

И в снежном чудится круженье:
На фоне чистой белизны,
Едва заметные, в движенье,
Черты знакомые видны.
Улыбкой молчаливой манят
Воспоминанья прежних дней.
Снежинки, падая, туманят
Глаза, которых нет милей.

Ушло, сокрылось, отболело
Недавно иль давным-давно...
И всё свежо, светло и бело
В картине зимней кружевной.

Мир старинных фотоснимков

Отдалённых времён фотоснимки —
Будто в сеточке тонких морщинок.
Вот прабабка с прадедом в обнимку,
Вот у церкви молящийся инок.
А ребёнок в матроске так мил!
С ним беспечно играет котёнок...
Желтовато-коричневый мир
Проявляется, светел и тонок.
Остановленный прошлого миг
Оживает со старых картонок.

Снова дед мой — искусный кузнец,
Дядя — вновь гармонист и повеса,
В сорок третьем влюблённый отец
Встретил юную маму у леса.
Так и слышишь биенье сердец! —
Им судьба их ещё неизвестна...
Всех, кто снят, на земле уже нет,
Ведь закон бытия не нарушишь.
Но глядят через патину лет
Их улыбки, их чувства, их души.

*Иван Тимофеевич и Ульяна Павловна Самоваровы,
прадедушка и прабабушка автора. 1909 г.*

Отражения былого

Звезда вечерняя загадочно мерцала,
В туман роняя бирюзовый свет.
Казалось, озеро не зеркало — зеркало,
Подёрнутое мглой ушедших лет.
И медленно былое воскресало.

Недопроявленные спали отраженья,
Баюкал их заботливо зефир,
А белых лебедей спокойное скольженье
Невольно оживляло этот мир
И приводило в странное движенье.

И сладко грезилось в пылу воображенья,
Как в зазеркалье вешнем меж дерев
Прадедушек с прабабушками бродят тени,
Шепча в любви признанья нараспев.
И сердце замирало от смятенья...

Домики старого Косина

Домики старого Косина
Среди новых многоэтажек...
Всюду гам, а у них тишина
На душе остаётся та же,
Что столетью тому назад.
И окошки тепло глядят.

Домики старого Косина,
Образа ушедшей России...
Лихолетий всех времена
Их основу не подкосили.
И в садах, цветущих вокруг,
Не смолкает пеньё пичуг.

Домики старого Косина,
Многолетия вам, дорогие,
Нам гармония так важна
В кутерьме столичной стихии.
Вы живите на радость нам,
Домики старого Косина.

Моя берёза

Наш старый дом мне показался съёженным.
Пятиэтажка. Серенький кирпич.
Вот палисадник, в детстве обихоженный,
И у подъезда старичок «Москвич»...
Берёза выросла повыше кровли —
Та самая, заветная, моя...
Стерев ладошки нежные до крови,
Её ребёнком посадила я
Под окнами и саженец упорно
Из лейки поливала поутру...
Ветвей густых вольнолюбивых волны
О прошлом что-то шепчут на ветру,
Легонько гладят мне лицо и плечи.
С берёзой мы ровесницы, родня.
Век у берёз почти как человеческий —
Немногим больше. Если же меня
Она переживёт, то будет память
Хранить по мне в трепещущих ветвях.
Когда её охватит смерти пламя,
Она продолжит жить — в моих стихах...

*На фото та самая берёза на ул. Лермонтова
в подмосковном Дзержинском.*

Заброшенный храм на снимке

На снимке старинный заброшенный храм —
Примета двадцатого века.
Невесело смотрят оконца без рам,
И рядом — ни человека.

Заросшие главы в безмолвных мольбах
Склонили пред Господом выи
Без тени упрёка живущей впотьмах —
Вне веры Христовой — России.

Из сонма крестов лишь один уцелел.
Хоть согнут безбожной рукою,
Любимой отчизны унылый предел
Он благословляет собою,

Как будто предвидя, что время придёт,
Опомнится, каюсь, Россия,
И к вере отцов возвратится народ,
Воздвигнет кресты золотые

На главы церквей и молиться он там
Вновь будет, как было от века,
И только на снимке заброшенный храм
Останется — горькая вежа.

Поэт и Вечность

Поэт, облёкший сердце в песни,
Бессмертие в них обретёт,
Ступенями духовных лестниц
Взойдя, пред Вечностью поёт.
И над его сердечным словом
Не властна цепь веков суровых:
По воле мудрого Творца,
Пока жива душа Вселенной,
Поёт оно в людских сердцах —
Неистребимо и нетленно.

Поэтические дали России

России поэтические дали
Так глубоки, певучи и грустны.
Светлы их драгоценные скрижали.
Задумчиво на них устремлены
Потомков очарованные очи.
Там на века алмазной вязью строчек
Сердца поэтов запечатлены.

Струны бытия

Памяти М.Ю. Лермонтова

Когда настал Поэта миг последний
И Ангел смерти жизнь слетел задуть,
Когда в пространстве растворясь бесследно,
Отправилась душа в последний путь,
Не оборва́лись струны бытия,
Которые в земных просторах пели
Пред Господом. Предвечный Судия
Омыл её в сияющей купели,
И, покаяньем от грехов чиста,
Запела вновь душа в саду Христа,
Вновь зазвенели, радость не тая,
Серебряные струны бытия.

Ясный месяц

*Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звёздного огня.*

Сергей Есенин

Ясный месяц смотрит с вышины
И в воде холодного колодца,
Выплыв из бездонной глубины,
То грустит, то весело смеётся.

Сотни мелких звёзд вокруг него
Хороводятся в полночных вёсях,
Не желая знать, из-за чего
То грустит, то веселится месяц.

Так поэт чужд суетной толпе,
Равнодушно отвернувшей лица.
И, один на узенькой тропе,
Он поёт, грустит и веселится.

Читая Ахматову

*Донеси любовь мою
Златоустой Анне — всяя Руси!*
Марина Цветаева

На островке уютном в крымском парке
Сижу под южной ивою кудрявой.
Вокруг толпятся юкки и агавы.
Закрыла лилия свой венчик яркий,
Спустился вечер тёплой дымкой матовой,
А я читаю всё стихи Ахматовой,
Хоть буквы мелкие почти неразличимы.
Две пары лебедей плывут спокойно мимо.
Не клики их в кромешной тишине,
А голос лиры — задушевный, дивный —
Всё явственнее слышится здесь мне
И мнится Анны профиль лебединый
На лоне царскосельских парков дальних.
Как пенопенье стих исповедальный:
Мелодия полна живого чувства,
А слово — мудрости златоустой.

Умершим близким

Погост — приют несуетливый.
Пускай в могилах бренный прах,
У Господа вы вечно живы.
За ваш покой на небесах
Молюсь сердечно, терпеливо.
И исчезает смерти страх.

Нет ни сомнений, ни смятенья,
Одни молитвы на устах.
Я вас люблю, родные тени!
Пусть вы теперь в иных мирах,
Утраты стали обретеньем
Родства духовного в веках.

Православное сердце России

Цветы Куликова поля

Расцвели снова ландыши
В бирюзовой полян тиши,
А в черёмухе за овинами
Слышно пение соловьиное.

Обняла теплынь благодатная
Неоглядное поле ратное,
Куликово полюшко славное,
Где рождалася Русь державная.

Здесь сражались и упокоились,
Вечной памяти удостоились
Наши пращурь православные.
Здесь хранят цветы образ давнего:

Незабудки, фиалки, лютики —
Словно очи, в годину лютую
За Отчизну погибших ратников —
И бояр, и простых посадников.

Всюду красной гвоздики крапинки —
Словно пролитой крови капельки.
В роще, где от жестоких ворогов
Был укрыт под зелёным пологом

Князь Димитрий Донской израненный,
Нежно льётся благоухание —
В бирюзовой полян тиши
Снова молятся ландыши.

Церковь Покрова на Нерли

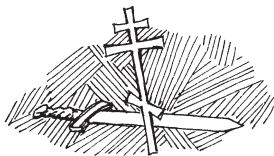
Покров. Зыбь речки замерзает,
В последних солнечных лучах
Блестя чешуйками мозаик,
Как в Божьем храме при свечах.
Но снега нет ещё. Лишь иней
Слегка осеребрил листву.
Церквушка белая святыней
До неба вознесла главу.

Селенья дальними огнями
Мерцают в звёздной тишине,
И золотистыми волнами
Свет лунный льётся в вышине.
Он словно освещает область
Небесной вечности седой,
Рисуя незабвенный образ
Руси Святой.

Крестный путь России

Кремнист России крестный путь
и тяжек крест —
ни уронить, ни отдохнуть
нельзя ей ни на миг.
Прочь, прочь отыди, бес!
В кресте души живая суть,
Безмолвный сердца крик.
Нельзя России без Небес,
без истинных начал.
Пасхальный гимн
«Христос воскрес!»
в гонения звучал
призывом, сердцу дорогим.
И хоть от гордого ума
соблазнов тьма,
злу пламя веры не задуть.
Жива Благая Весть!
Кремнист России крестный путь
и тяжек крест,
но ей пути иного нет.
Маяк — Господень Свет.

Православное сердце России

Колокольные звоны родные —
Вечный зов к неземной высоте.
Православное сердце России
На небесной поёт частоте.
Сколько горя оно выносило!
Сколько счастья любви во Христе
Оно знало! И этой любовью
Было живо в лихие года.
Не погасла молитвы звезда,
И воскресшей Руси изголовье
Покаянья слеза оросила.
Слышат ясные своды небес
Православное сердце России,
Колокольный её благовест.

Святки

Рождественская служба отошла,
И в таинстве ночи глубокой
Торжественно гудят колокола.
Свет радостный Младенца-Бога
Святая Русь всем сердцем приняла.

Ликует звон рождественского лада.
В такт чистым колокольным голосам
Мерцают звёзд далёкие лампы,
И ангелы поют на небесах,
И облаков клубится горний ладан.

О, Святок долгожданная пора!
Деревья, люди, церкви, волны снега —
Всё радуется Божиим дарам.
Под звёздно-лунным колоколом неба
Весь мир земной — один вселенский храм.

День Святой Троицы

Утренних рос сиянье.
Майского леса звень.
Песнь малиновых звонов.
Празднуйте, россияне,
Троицы светлый день!
Ставьте свечи к иконам.

Дух пребывает Святой
В сонме градов и сёл,
В каждом листочке ныне,
В травах душистой мяты,
Во глубине озёр,
В ясной небесной сини...

Всюду Любви сиянье,
Радость в сердцах людей
И благодать в молитве.
Празднуйте, россияне,
Троицы светлый день!
Господа восхвалите!

Весна, Победа и Любовь

*6 мая 1945 г. — Пасха Христова,
память св. Георгия Победоносца,
именины маршала Г.К. Жукова.*

Весна, Победа и Любовь...
Как просто это сочетание
Исконно русских вечных слов!
Как величаво их звучанье!

Весною расцветает вновь
Земля, сияет поднебесье,
Победу празднует Любовь
Над смертью — Христос Воскресе!

Святой Георгий на коне
Сразил в Берлине в сорок пятом
Змею фашизма и к стене
Позора пригвоздил булатом

Победы нашей, и война
Закончилась в день Пасхи третий.
Ликует новая весна:
Христос Воскресе! Нету смерти!

Зазеленели сень дубов,
Берёз, осин и озимь хлеба...
Весна, Победа и Любовь —
Наш путь земной, ведущий в Небо.

На Угреше

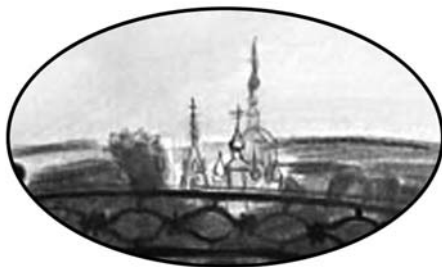
На Угреше запахи липы
Проникают в самое сердце.
На Угреше дивные церкви,
Светозарные святых лики.

На Угреше лебязьи клики,
Соловьёв заревое пенье,
Куполов в прудах повторенье —
На воде золотые блики.

Ароматы розы повсюду
На Угреше нежно разлиты.
И душа в безмолвье молитвы
Верит Божьей Любви чуду.

Душа России

Дубы, берёзы да осины —
Простой, привычный глазу вид...
Великая душа России
Не на поверхности лежит,
Но здесь она: в любой росинке
Слезой молитвенной дрожит
И в каждой маленькой былинке
Христу безмолвно предстоит.
Здесь колокольный звон былинный
Над полотном веков разлит,
Над каждой церковкой старинной —
Крест Божий и покров молитв.
И оттого России душу
Злу не постичь, не побороть —
Оно напрасно с воем кружит,
Терзая страждущую плоть.
Душа жива, хоть и недужит.
Жива! Храни её, Господь!

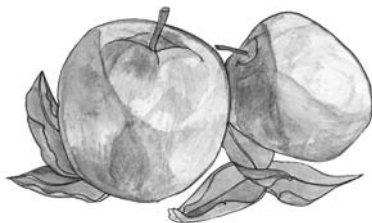

Осенины

Вдохновительница–осень
Русь крылами осенила.
Рос её золотая россыпь
Ярко землю окропила,
Купола дубов, осин...
Липы, ясени, берёзки
Ветру дарят свои блёстки.
Красен праздник осенин!

Манит спелых яблок запах
И сухих осенних листьев,
Шишек на еловых лапах,
Хвои свежей и душистой...
Наслаждаюсь и молюсь:
Колокольные напевы
Рождество Марии Девы
Прославляют на всю Русь!

Родное слово — дух народа

1

В начале мира было Слово.
И мир на нём стоит давно.
Оно — старо и вечно ново —
Нам, людям, Господом дано.

Дар Слова — это дар свободы,
Живёт он, множится в веках.
Самостояние народов
Основано на языках.

Родная речь сознание будит
У человека с первых дней,
Ведёт чрез праздники и будни.
Накоплена вся мудрость в ней.

И на планете многолюдной
Исконно русский наш язык —
Наследье предков — был и будет
Могуч и истинно велик,

Красив и щедр необычайно:
Он богател из рода в род.
Имеет в русском не случайно
«Язык» значение «народ».

И пошлой чужеземной моде
Не подточить его гранит.
Родное слово — дух народа —
Храни, Святая Русь, храни!

2

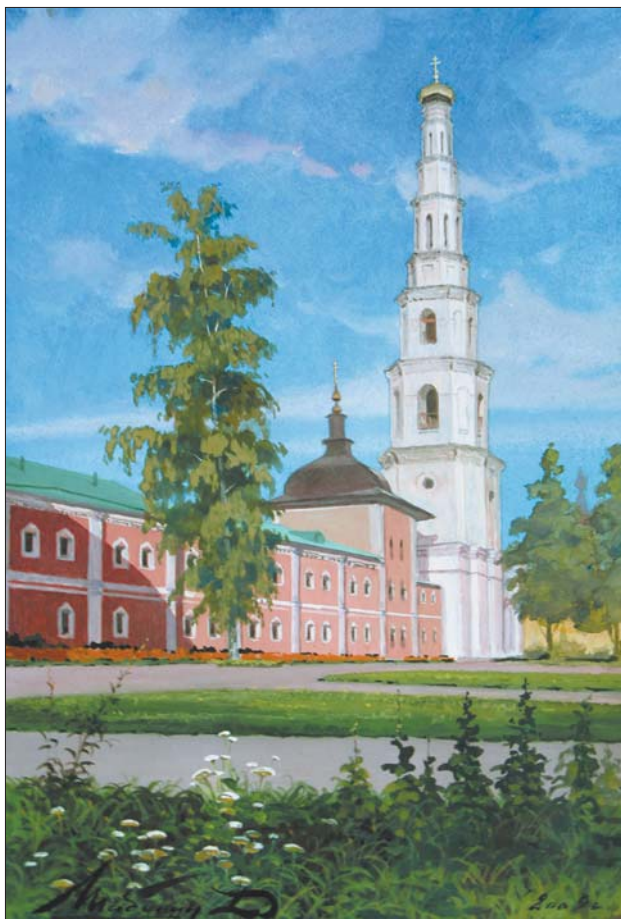
Родная речь журчит, как речка,
Поёт о вере и любви,
И доброе её словечко
И вдохновляет, и живит.

Родная речь смеётся, плачет
И шепчет тихо сонм молитв,
И сердце русское не прячет,
Сокровищ духа не таит.

Родная речь гудит набатом
И бьёт во все колокола,
Чтоб защитить всё, что нам свято,
Чем русская жива земля.

Дай, Господи, её истоки
Не замутишь нам в суете,
Пусть слова русского потоки
Текут в исконной чистоте.

Угреша малиново-звонная

В монастырском саду

В обители завечерело.
Уж всенощная отошла,
Но солнышко ещё не село
За золотые купола
И гладь прудов, как днём, светла,
А небо чуть порозовело.

Под соловьиные свирели
И тихий шелест камыша
Безмолвно молится в смиренье
Пред Господом моя душа,
Душистой аурой дыша
Цветущей вишни и сирени.

Отдалена земная вечность,
И ближе небеса... Когда
Хотя б на миг отверста вечность,
Не властны над душой года.
И бесконечна благодать,
И благодатна бесконечность.

Лебединое стихотворение

Шум моторов чуткий слух не режет.
Нежен день июньский на Угреше.
Благодатно и несуетливо.
Шепчутся таинственные ивы.
Я стою, дыханье затаив, и...

Слышу в радостном ветра трепете,
В изумлённом листочков лепете:
«Поглядите, выплыли лебеди —
Величавые белые лебеди,

Элегантные чёрные лебеди
И за ними гурьбой лебедята!»
В свете солнца птенцы — словно лилии.
Души их так невинно крылаты!
В акварели пруда плещут линии —
Всюду линии лебединые,
И картина изящно проста,
Но ликуют в их дивной идиллии
Силы жизни непобедимые,
Неотмирная красота.

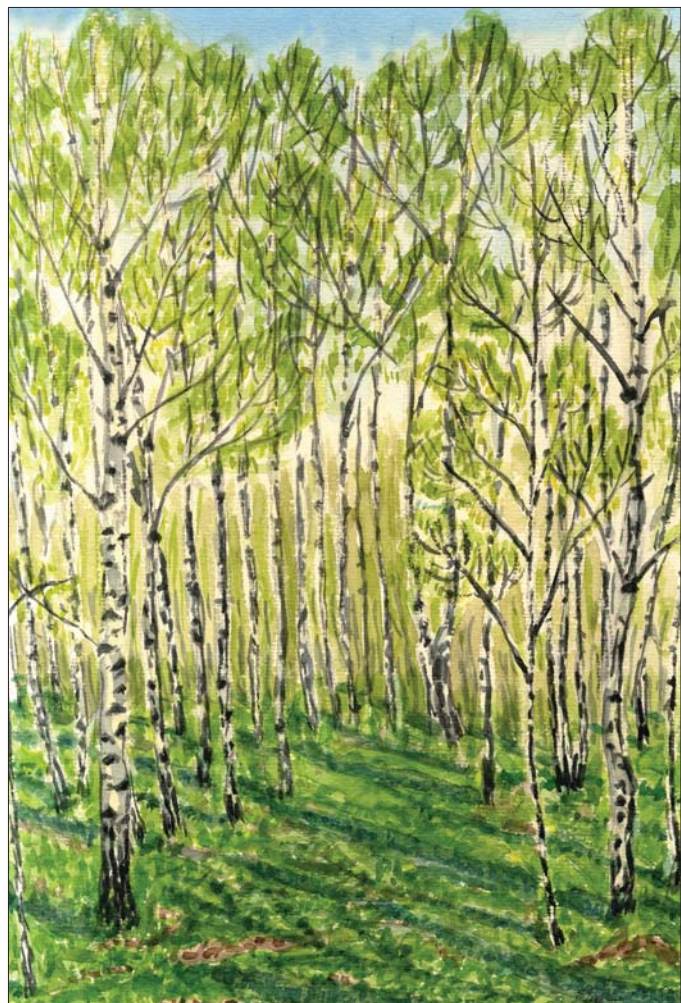

Мой берёзовый край

Мой берёзовый край!
Нет роднее лесов белоствольных.
В голубых небесах
величаво плывут облака.
Мой берёзовый край
на просторах раскинулся вольных,
И не властны над ним
ни года, ни седые века.

Возле белых церквей,
словно свечи, белеют берёзы.
Пряди, тихо молясь,
наклоняют до самой земли.
Росы блещут на них
по утрам, как чистейшие слёзы.
Мой берёзовый край —
образ веры, любви и молитв.

Искони он красив,
и свежи его светлые рощи,
Где поют соловьи
под покровом листвы каждый май.
На суровую жизнь
перед Господом Богом не ропщет
Мой берёзовый край,
мой любимый берёзовый край!

Воскресный вечер

Тёплый прозрачный вечер,
Нежный, погожий, свежий.
Светятся издалече
В небе кресты Угреши
И за Москвой-рекою
Церкви Преображенья.
Жаждет душа покою,
С Господом единенья.
Город не суетится
Вечером в день воскресный,
Всюду светлые лица.
Боже мой, как чудесно!
Мир, дарованный людям,
Значит для сердца много.
Завтра заботы будут,
И за всё — слава Богу!

Угрешский родник

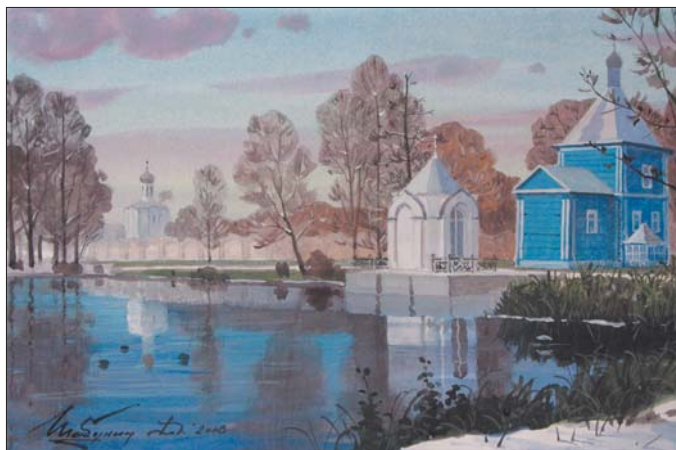
Угрешский родник. В тишине
Поют серебристые струи.
В их пении слышится мне:
Аллилуйя! Аллилуйя!

Когда от предчувствий беды
На сердце всё горше и горше,
Черпну родниковой воды
И выпью глоток из пригоршни.

Вернусь, обойдя вокруг пруда,
К надкладезной белой часовне.
Забуду смятенье, когда,
Присев на скамейке тесовой,

Начну не спеша наблюдать
За бабочкой, пчёлкой, улиткой...
Угрешской земли благодать
В душе отзовется молитвой.

И вновь к роднику приложусь:
Живительны чистые струи.
В них светится матушка-Русь...
Аллилуйя! Аллилуйя!

Ноябрьское утро в обители

Первые лучи на куполах
Чудной светомузыкой взиграли.
Ангелы запели в небесах.
Им куранты звоном отвечали.
Сколько в этих утренних часах
Светлой радости, смирения, печали
Об осеннем тихом увяданье,
Об угасшей голубой звезде...
Но всё ярче солнца ликование
На последнем золотом листе,
Всё сильнее на Бога упование.
Вся душа открылась Красоте.

Дорога к храму

Ломая лужиц тонкий хризолит,
Иду на колокольный зов Угреши.
Как воспалённо смотрят из проплешин
Холодных облаков глаза зари!
А иней на траве как седина
Моих висков, но в сердце небезгрешном
Не мудрости покой и тишина,
А голоса страстей неотболевших.
Я знаю, Боже, в чём моя вина
И что меня от неба отдалило:
Душа пьяна от терпкого вина
Житейской суеты неодолимой.
Но я иду на чистый свет креста,
И каюсь, и молюсь, грехом палима,
И жажду милости неутолимо.
Прости меня, прости ради Христа!

Рождественское утро

Отразившись тенью величавой
На экране голубом тумана,
В ореоле солнца блещут главы
Храма над простором снежно-тканым.
Инея волшебными волнами
Ниспадают до сугробов ветви.
До чего сияющий над нами
Свет Христова Рождества приветлив!
Ласковыми лучиков перстами
Человечьи души он лелеет.
Лик Пречистой Девы над крестами
Расцветает белою Лилеей.

И Младенца–Господа качая
В светозарной поднебесной зыбке,
Богоматерь в Нём Спасенье чаёт
И благословляет мир — улыбкой,
И взирает добрыми очами,
Холст сугробов милостью расцветив.
До чего сияющий над нами
Свет Христова Рождества приветлив!

Угреша малиново–звонная

Угреша малиново–звонная!
Твоя колокольная песнь
В пространство плывёт заиконное.
Прочь, мира безумная спесь!

Садами пройдя благовонными,
Смиренно склоняю главу
Во храмах святых пред амвонами,
Христовой молитвой живу.

Окрест распростёрлись исконные
Московии древней края.
Угреша малиново–звонная —
Родная сторонка моя!

Песни о Екатернинской обители

Подмосковья тихие картины

Подмосковья тихие картины
Внемлют Богу в утреннюю стынь.
Путь привёл к святой Екатерине
В возрождённый светлый монастырь.
Здесь духовным цветом расцветает
Кроткая молитва на устах,
Сердце от блаженства замирает
В этих Богом избранных местах.

*«С нами, с нами Бог наш и Создатель!» —
Благовестит колокольный звон.
Тонким ароматом благодати
Веет от намоленных икон.
«С нами, с нами Бог наш и Создатель!» —
Благовестит колокольный звон.
Дон! Дон! Дон! Дон! Дон!*

Крест золотой венчает храм старинный,
Крест-гольгофа — вечный злу укор.
Песнопения Екатерине
Вдохновенно исполняет хор.
Здесь, прощая все несовершенства,
Хочется покаянно просить
Мира, возрожденья, благоденства
Сердцу милой страждущей Руси.

*«С нами, с нами Бог наш и Создатель!» —
Благовестит колокольный звон.
Тонким ароматом благодати
Веет от намоленных икон.
«С нами, с нами Бог наш и Создатель!» —
Благовестит колокольный звон.
Дон! Дон! Дон! Дон! Дон!*

Святая Екатерина

Святая Екатерина,
Шла ты стезёю тернистою,
Правду Христа глаголя
Гордой Александрии.

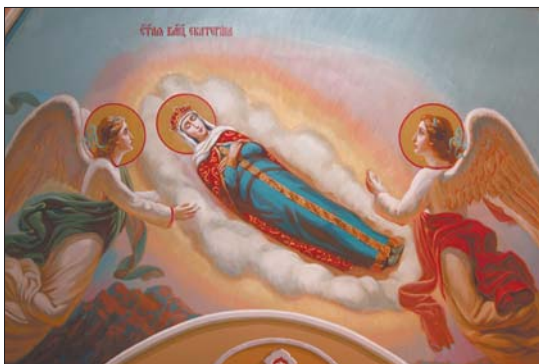
Святая Екатерина,
Нас твоё имя лучистое
Парусом в бурном море
В дали зовёт иные.

Святая Екатерина,
Солнце любви золотистое,
Светом наполни, молим,
Наши пути земные.

Святая Екатерина,
Ты помоги церкви выстоять,
Русь бережь от крамолы
Благослови нас ныне.

Святая Екатерина,
Богоневеста пречистая,
Из обители горней
Песни услышь простые.

Святая Екатерина,
Веры поборница истая,
С нами в счастье и горе
Ты молись о России.

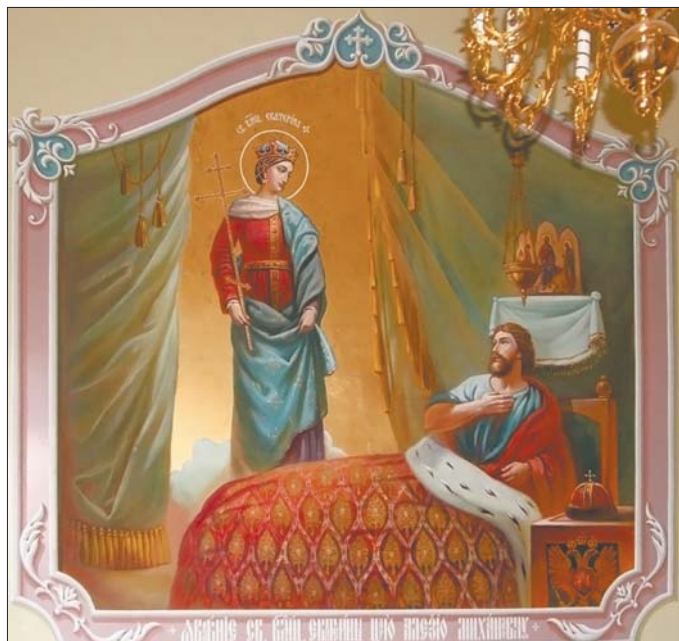

Баллада о Екатерининской пустыни

Екатерининские рощи
Снег пеленою укрывал.
В безмолвии морозной ночи
Царь от охоты отдыхал.
Пред ликом Божиим дрожал
Лампады тихий огонёчек.
Усталые царёвы очи
Сон охранительный смежал.

Вдруг ослепительным сияньем
Вмиг озарилась сень шатра,
И дева в белом одеянье,
Подобно ангелу, вошла.
Узнал мгновенно Алексей
Пресветлый лик Екатерины,
Ведь перед образом старинным
Он с юных лет молился ей.

«Царь, не пугайся. Я явилась
Сказать тебе, что в эту ночь
Твоя супруга разрешилась.
На радость вам малютку дочь
Господь Всещедрый даровал», —
С любовью возвестила дева.
Чудесным сладостным напевом
Небесный голос прозвучал.

Духовной радостью объятый,
Проснулся царь и с ложа встал,
Стоявшим на часах солдатам
Будить весь лагерь приказал.
Всем о виденье объявил.
Велел боярам собираться,
Со стана зимнего сниматься,
В Москву к царице поспешил.

А из Кремля летел, как ветер,
С известьем радостным гонец
И вымолвил, когда их встретил:
«О государь ты наш отец!
Благополучно в эту ночь
Царица наша разрешилась.
Господь явил большую милость
И даровал малютку дочь».

«Чудны, Господь, Твои деянья!» —
Воскликнул государь, крестясь,
И Божьи прославлял даянья,
Слёз умиленья не стыдясь.
Екатериной дочь назвать
Тотчас решил он при крещенье,
На месте чудного явления
Велел обитель основать.

Во славу Божию донине
Стоит обитель, и, как встарь,
В церквях святой Екатерине
Поют молитвы и тропарь.
Господь послал нелёгкий крест
И вёл стезями непростыми.
Вновь возрождённые святыни
Духовный свет струят окрест.

Крестный ход

В густых лесах Московии
Стояла пустынь Божия.
На службы шли с любовью
Окрестные крестьяне,
Съезжались дворяне,
Брели калики переходные.
Молились благотворно,
Обычай чтили древний,
Носили по деревням
Образ чудотворный.

*Крестный ход,
Крестный ход
Из обители идёт
И святой Екатерине
Величание поёт.*

Во всяком поселении
По правилу исконному
Свершалось моление
О здравии болящих,
О сырых и скорбящих
Пред чудотворною иконою.
Сельчане безыскусно
Молились всем народом
И шли в святую пустынь
Обратно крестным ходом.

*Крестный ход,
Крестный ход
До обители идёт
И святой Екатерине
Величание поёт.*

Петровская ярмарка

Служба отошла с утра
В праздник Павла и Петра,
Пост закончился сегодня,
Ярмарке пришла пора,
Ярмарке народной.
Колокольцев перезвон:
Дили-дили-дили-дон!
В монастырь Екатерины
Едет люд со всех сторон.

*Ах, рубахи яркие,
Сарафаны броские!
Разгулялась ярмарка,
Ярмарка петровская!
Ярмарка хороша!
Против Бога не греша,
Веселись и разговляйся,
Православная душа!*

На лотках горой товар,
Покупай и млад, и стар!
Вот кувшины расписные,
Вот пузатый самовар,
Полочки резные.
Здесь сметану продают,
Молоко в бидоны льют.
Там румяные крестьянки
Песни русские поют.

*Ах, рубахи яркие,
Сарафаны броские!
Разгулялась ярмарка,
Ярмарка петровская!
Ярмарка хороша!
Против Бога не греша,
Веселись и разговляйся,
Православная душа!*

Новомученики Российские

Когда в двадцатом веке над Россией
Стяг богоборчества кровавого пылал,
И храмы осквернялись, и святыни,
Народ Христов в мученьях погибал.
Когда крутился адов круг репрессий,
Убит с семьёй был православный царь,
Но теплилась лампада Благовестья
И Божий свет грел верные сердца.

*Святынь души не дав на поруганье
И вытерпев все муки до конца,
Подвижники за лютые страданья
От Бога удостоились венца.*

*И молятся за Родину–державу
Днесь новомученики горячо.
Их подвиги горят Христу во славу
Любви неугасимую свечой.*

И монастырь святой Екатерины
Был перестроен в тайную тюрьму.
Там тысячи замучены невинно,
Но души их не канули во тьму.
Псалтирь здесь ныне иноки читают
За всех трагедий и гонений жертв,
Погибших неусыпно поминают.
У Господа никто из них не мертв.

*Святень души не дав на поруганье
И вытерпев все муки до конца,
Подвижники за лютые страданья
От Бога удостоились венца.
И молятся за Родину–державу
Днесь новомученики горячо.
Их подвиги горят Христу во славу
Любви неугасимую свечой.*

Вечер в Екатеринбургском монастыре

Благоухает монастырский сад,
И ласточки парят над колокольной.
А в сердце грусть рождается невольно —
На белых башнях ангелы трубят.
Неопалимой Купины здесь куст
Задумчиво склоняет низко ветки,
За лесом солнце лик свой прячет светлый.
Исходит тихая мольба из уст.

*Прости, Господь, нам согрешенья наши,
Пошли любви, терпения и света,
Храни многострадальную обитель эту.
Пусть будет жизнь духовная всё краше.*

Вечерняя прохлада снизошла
На города российские и веси,
И восходящий в небе ясный месяц
Молитвенно глядится в купола.
Пред алтарём смиренно помолюсь,
Войдя в собор святой Екатерины.
О Боже, покаянья не отрини,
Храни народ наш и Святую Русь.

*Прости, Господь, нам согрешенья наши,
Пошли любви, терпения и света,
Храни многострадальную обитель эту.
Пусть будет жизнь духовная всё краше.*

День святой Екатерины

Утром декабрьским солнце румяное
Красит церквей купола.
С тихой молитвою радость желанная
В сердце сегодня вошла.
Иней искрится на ветках берёзовых.
Колокол благовестит.
И сквозь узоры ветвей злато-розовый
Ангел на башне блесит.

*На иконе на старинной —
Белых роз венец.
День святой Екатерины —
Для людских сердец
День заветный,
Праздник светлый.
Для людских сердец
Праздник веры светлый.*

Архиерейское богослужение
В храме соборном идёт.
В праздник престольный
с благоговением
Молится русский народ,
Екатерине святой величание
С хором соборно поёт.
Мощно, торжественно
льётся звучание,
Звон колокольный плывёт.

*На иконе на старинной —
Белых роз венец.
День святой Екатерины —
Для людских сердец
День заветный,
Праздник светлый.
Для людских сердец
Праздник веры светлый.*

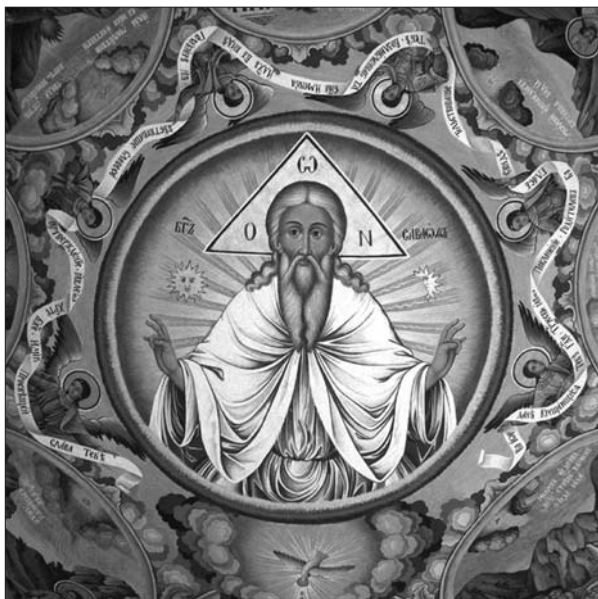
Моления и думы

Ночное моление

Бог везде. Он вне
времени–пространства,
Он в золотой звезде
и в лесном убранстве,
Он в тебе, во мне...
Только в людях тьма
страсти породила
гордого ума,
Свет Любви затмила.

Шум страстей и топ —
словно град по крыше.
Помолюсь я, чтоб
страсти Бог утишил
и звучал во мне
внятно голос свыше:
только в тишине
сердце Бога слышит.

Пусть пока ещё
за моим оконцем
ночь своим плащом
закрывает солнце,
но страстей уже
умолкают речи,
и Любовь в душе
зажигает свечи...

Думы о Боге

1

Бог — это солнце
неугасимое,
неуловимое
телесным оком,
но осязаемое
в молитве истой
лишь сердцем чистым,
душой высокой.

2

Мир духовный —
Божие дыхание,
в горнем свете
райских роз
благоухание.
И любовно
нежит розы эти
Сам Христос.

3

Без Бога мир людской —
бесплодная пустыня,
погруженная в темноту,
он, грешный и пустой,
в слепом безверье стынет,
не видя Свет и Красоту,
не ощущая слепоту,
не зная истинной святости.

4

Бог — сердце мира,
Бог — Любовь,
Начало всех начал.
Он свет эфира,
Столп столпов
и Вечности причал.
Без Божьей воли всё мертво,
Бог — движитель всего.

Святые подвижники

Молитвой и усердием в постах
Уничтожали сеть греховных пут
Подвижники святые.
Теперь они — как звёзды в небесах:
По ним душа сверяет к Богу путь
В земной стихии.

Молитва о заблудших

Мир чистых беззаветных чувств
Стал многим людям ныне чужд.
Зачем им к ближнему участие —
Бал правят деньги, жажда власти
И пагубное сладострастье.

Нет места истинной любви.
«Богатство не зевай, лови
И наслаждайся!» — вот их лозунг.
Живут они идеей ложной
Безвдохновенно и безбожно,

В плену у похотений худших.
Помилуй, Господи, заблудших,
Пошли им трудных испытаний,
Пускай очистятся страданьем
От гнёта пагубных желаний.

Ты на греховной жизни мерзость —
Слепые очи их отверзи,
Чтоб обратились вновь к Тебе
В борьбе со злом в самих себе.

Бессонница

Какая темь! Безлунно и беззвёздно.
Бессонница. Тоскливо и нервозно.
Молитва застывает на устах,
Фантомы дел толпятся пред глазами,
В сознание крадётся смутный страх...

Прочь, прочь! Зажгу свечу пред образами...
Я не прошу, Господь, земных мне благ,
Ведь от Тебя имею многое и так,
Твоими только б мне идти стезями
И, не стыдясь, глядеть на ряд икон...

Я лишь прошу: молиться вдохнови!
Молитва мою душу обновит
И принесёт покой и светлый сон,
Где горним чистым светочем горит
Бессмертная заря Твоей Любви.

Моления святого Силуана Афонского

1

Душа о Господе скучает
И слёзно жаждет зреть Его,
И благодать воспоминает,
Что Он явил. И ничего
Земное уж не привлекает
Собою взора моего.

2

От детских лет я мир любил,
Его чудесные красóты:
Поля и рощи, ход светил
И голубых небес высоты,
И белых облаков полёт,
И звёзды, коим нету счёта.
Теперь меня один влечёт
Тот горный мир, где Бог живёт.

3

Я недостоин, многогрешен,
А Он не возгнушался мной
И благодатию утешил:
Явил мне дивный Образ Свой

И свет излил неизреченный,
Ярчайших всех земных свечей,
Из кротких любящих очей,
Прощающих и незабвенных.
Когда я, слабый, изнемог,
Сокрыл Свой Лик Христос наш Бог.
Его познал я Святым Духом,
Хоть благодать не сохранил,
Но сколько б лет я ни прожил,
Пресветлый Лик в душе не тухнет.

4

Где Ты, мой милостивый Боже?
Сокрылся от меня почто?
Нет никого Тебя дороже,
И без Тебя я прах, ничто.
Как птица в клетке тесной, душной,
Как цвет, увядший на стебле,
В убогом облике телесном
Душа томится на земле
И рвётся, Свете мой, к Тебе,
К Тебе, возлюбленный мой Боже,
Но взлететь пока не может,
Покорная Твоей судьбе.

5

Ты Радость, Свет и Утешенье,
Ты — совершенная Любовь.
Пошли душе моей смиренье
И научи молиться вкровь
За тварь любую в этом мире,
За близких, и за всех врагов,
За тех, кто властвует в порфире,
И за последних бедняков,
Чтоб все они Тебя познали,
Закон Твой, милость и любовь
И сердцем Дух Святой прияли,
Молюсь об этом вновь и вновь.
Хоть, недостойный, я всех хуже,
Помилуй грешного меня
И род людской помилуй. Тужит
Душа без Твоего огня.
Безмерно, Господи, скучаю
И слёзно я Тебя ищу,
И тело плачем иссушаю,
И вечно быть с Тобой хочу...

Читая Евангелие

Я грущу над страницей Евангельской
И пытаюсь уйти от вечности,
Только что-то не получается:
Образ жизни совсем не ангельский.
Оттого и сердечко мается,
Не накоплен багаж для Вечности...

На странице той воспевается
Богородице Благовещенье,
Богоизбранной Деве-Матери,
Как душа её наполняется
Несказанною благодатию
Духа Божия, Слова вещего.

Дай мне, Господи, малу толику
Благодати той неизреченной
И пошли в земной быстротечности
Покаянья милости столько мне,
Сколь достойна грешная женщина,
Дай мне сил готовиться к Вечности...

Делая добро

1

От сердца делая добро,
Всегда становишься богаче —
Не золотом и серебром,
Не почестями и удачей,
А истинной любовью, верой.
И радость тех, кому помог,
Ты разделяешь полной мерой —
В твоей душе ликует Бог!

2

Корыстно делая добро,
Всегда становишься беднее,
Хотя и чтят тебя сильнее
За золото и серебро.
Но где любовь, где Божий страх?
Ты благодетель, а не в силах
Порадоваться за больных и сирых...
И Бог молчит на небесах.

О славе

Умы людей смутил лукавый
Желаньем почестей и славы.
Знаком поэтам этот грех:
Порой в надежде на успех
И восхищение молвы
Стихи слагаем, но — увы! —
Нет славы... Ну и слава Богу!
Душе поэта что в ней проку? —
Она рождает только шум,
Пустых соблазнов праздный бум.
А вдохновенья голубок
Боятся их — ему нужны
Тепло, любовь
Да святость тишины.

Кто мы?

Кто мы такие? С чем пришли
На Богом созданную землю?
Зачем живём, кому же внемлем?
Мы — крошечная персть земли,
В которую вдохнул Всевышний
И жизнь, и разум, и любовь.
Но Словом Отчим мы не дышим.
Грехов — несчётно коробов.

Господь сошёл в земном обличье,
Но мало кто Его признал.
Он на кресте за нас страдал,
Явив смиренье и величье.
Мы силимся постичь Творца
Умом, но так непостижим он,
Стремимся с дольного крыльца
Увидеть, что очам незримо.

Привыкнув жить в мирской тщете,
Вмешательством в природу грубым
Мы красоту планеты губим,
Слагая гимны красоте...
Живём беспечно и безбожно,
Но Бог щадит Своих рабов,
Чтоб дать сердцам ещё возможность
Принять Свет веры и Любовь
И сохранить до врат погоста.
Как это, Боже мой, непросто...

Мир безбожника

Мир безбожника — царство тленности
На линейке времён — безвременья,
Взор безбожника низкой мерности,
Он не зрит духовного измеренья,

Видит лишь явленья телесного.
Все безбожники — как сироты:
Знать не знают Отца Небесного,
Мнят себя царями природы.

А на деле — рабы презренные
Твердолобой своей гордыни,
И для них без души Вселенная,
И сердца у них — без святыни.

О, помилуй их, Святый Господи,
Дай ступить на дорогу верную,
И да узрят на месте плоскости
Красоту Твою полномерную.

Юность и старость

Твердит расхожая молва,
Что юность всем страстям подвластна,
Что зрелость более трезва,
А старость холодна, бесстрастна.

Но жизнь на схему не похожа,
А то б не стоила гроша.
В прокрустово не входит ложе
Она и этим хороша.

Закономерность не видна:
В стремлении к земному счастью
Бывает юность холодна,
А старость бредит нежной страстью.

Закат, что истово пылает,
Любовью истинной согрет,
Вечерним светом затмевает
Бледнеющий во лжи рассвет.

А души чисты и легки
В движенье жизни бесконечном,
Когда соблазнам вопреки
Мы, каясь, думаем о Вечном.

Испытание безверьем

Я не испытываю сожаленья
О юности, светло ушедшей вдаль,
Хотя её не предаю забвенью.
Но есть иная у меня печаль —
О времени беспечного безверья.
Для духа это горькая потеря.
Росло, мужало наше поколенье
В тисках атеистического плена,
Не ведая об истинной отчизне,
Не думая о высшем смысле жизни.
Тем ярче, тем счастливей перемена
Души, Христа алкавшей безотчётно,
К Нему пришедшей сквозь шипы сомненья,
Не слушая шипенья самомненья,
Уверовавшей в Свет бесповоротно.

Но, видно, Богом было суждено
Пройти путём постылого безверья,
Чтоб чистой веры проросло зерно
Без скрытых червоточин лицемерья,
Чтоб расцвели окрепшие ростки,
Политые слезами покаянья,
Чтоб корни веры были глубоки,
Пронзала в храме радость осознанья,

Какое счастье на богослуженье
Без страха клеветы и осужденья
Молиться, не стесняясь никого,
И причаститься тихо утром ранним...
Благодарю, Господь, за испытанье
Безверьем долгим сердца моего.

Помилуй!

Какое слово ёмкое — «помилуй»,
Когда оно обращено к Творцу!
О, сколько в нём смирения и силы,
Надежды и любви к Небесному Отцу!
«Помилуй!» — самая короткая молитва,
Но в ней высоких чувств людских палитра:
Целительная вера, покаянье
И страх перед геенной преисподней,
На помощь Вышнего святое упованье
И на всесилие Любви Господней,
Во зле лежащему земному миру
Несущей Горний Свет, а не секиру...

В счастливый час,
 и в горький,
 и в унылый
Помилуй, Господи, меня!
 Помилуй!

Молитва о мире в России

О Боже мой, Боже!
Морозом по коже
известия злые
о взрывах в России.

В страданиях корчатся люди... Когда
закончится эта слепая вражда,
не будет террора, смертей и увечий?
Когда же уверует род человеческий?

О Боже всесильный!
Молюсь со слезами,
чтоб снова Россия
шла света стезями,

покинув тропу нетерпимости к близким,
чтоб жил наш народ не стремлением низким
к богатству, владычеству и сладострастью,
а в братской любви находил своё счастье.

О Боже, Иисусе!
Пусть светит над Русью
звездой незакатной
Твой Лик благодатный.

Новые ироды

Рвутся бомбы, горько плачут сироты...
Не перевелись на свете ироды,
Гордые служители мамоны.
Что им кровь, разбитые иконы,
Заповеди о любви Христовы?!
Растоптать, убить они готовы
Всех и вся за новые богатства,
Не стыдись ни лжи, ни святотатства...
На клеветов вешают награды,
Повернут закон, куда им надо,
Не жалея старости и детства...
Но от Божьего Суда куда же деться?

Обретают призрак птицы счастья
Ироды в погоне за всевластьем:
То, что главным смыслом жизни было,
Испарится на краю могилы.
И не скрыть ни властью и ни славой
Черноты души, злой и кровавой.
Ей вовек не сделаться крылатой —
Тянет вниз присвоенное злато
Да ярмо обмана, лести, блуда...
Нет пощады иродам-иудам,
Не услышать райские им песни —
Козлищами будут в адской бездне.

Идолы потребления

Нас одолели снова идолы,
Мораль чужая верх взяла,
Что человек — лишь индивидуум,
Что эго во главе угла.
«Жизнь — потребление!» — на знамени
Прельстительный девиз возник.
И приняли его с покорностью.
От жертвенности и соборности
Произошёл в мирском сознании
К комфорту собственному сдвиг.
Порой, сердца окуклив в коконы,
Зашториваем плотно окна мы
От солнца истинной любви.
А без него как выжить русскому?
Безвольно, суетно грешим,
Легко привыкнув к сладкой лжи.
Несём такой греховный груз кому?
Плоть умирает без души...
Когда ещё хоть капля веры в ней
Осталась, то тепло её
Поможет расцветить дни серые,
Прогнать чужое вороньё,
Сны одолеть самовлюблённые.
И, напившись жизни соками,

Вдруг сердце, снова окрылённое,
Прекрасной бабочкой из кокона,
Что эгоизмом прежним свит
Из нитей бездуховной лености,
Вспорхнёт на тихий свет любви
И возвратится к вечным ценностям.

Молитва о музыке

Как надоела какофония
Вульгарных песен современных,
Нескромных танцев мельтешня —
Не то экстаз, не то агония...
Всё это суетно и тленно.
О Боже мой, утешь меня!
Хочу услышать непременно
Я ангельскую песнь молитвы,
Небес космические ритмы,
Живую музыку снежинок,
Росы искрящейся мотивы
И голос трепетной луны.
Хочу, чтоб слух заворожили
Весенних рощ речитативы,
Мелодии морской волны.
Хочу, чтоб растеклась по жилам
Им подпевающей души
Симфония святой тиши.

Свет Божий

Свет Божий щедро льёт с Небес Любовь
На колыбели и на сень гробов,
На города, деревни и пустыни,
На жаркие моря и ледяные стыни.
Нетленным Светом полнится эфир,
И зиждется на нём подлунный мир.
Приемлют Свет озёра и росинки,
Равнины, горы, рощи и былинки,
И птицы, и слоны, и божии коровки,
И тянут все цветы к нему головки...

Лишь человек, безверьем ослеплённый,
Не чует горний Свет неизречённый,
Не хочет даже прозревать в гордыне
И отвергает Божии святыни.

Предпочитает он во тьме блуждать,
Отталкивая Света благодать.

...А я? И я была такою тоже,
Не ведала небесного пути.
Не знала Света... Милосердый Боже,
Прости меня, прости меня, прости!..

Молитва и молва

Молитва и молва —
Похожие слова
По звучности своей,
Но смыслом — антиподы.
Молитва есть смирение,
Молва — игра страстей.
Молитва — обращенье
К Творцу самой природы,
Молва — к толпе людей.

Сердечная молитва
Есть плод духовной битвы
С оковами греха,
Молва — дитя соблазнов
И развлечений праздных —
К Всевышнему глуха.

Молитва — свет любви,
Молва — мрак пустословья,
Порой лукава, зла
И для души бесплодна,
Как мутный ключ холодный,
Молитва же — тепла.

В дни бесовской ловитвы
Священный дар молитвы
Мне, Боже, ниспошли,
А от молвы капризной,
Неправедной, пристрастной,
Докучной, велегласной
Спаси и отдали
И в испытаньях жизни
Любовью одари.

Неба голубой мазок

Неба голубой мазок
На холстине облаков
Мрачно-серых —
Словно света родничок
На полотнище веков
Грозной эры.

В человеческой судьбе
Путеводною свечой
Тихо светит,
Чтоб со злом земным в борьбе
С верой шли своей стезёй
Божьи дети.

Боже, дай, чтоб в толщах лет
Он сиял и не ослаб
В мирозданье.
Свят для сердца этот свет,
Без него не жизнь была б —
Прозябанье.

Неба голубой мазок
На холстине облаков
Мрачно-серых —
Словно радости глоток
Из небесных родников
Чистой веры.

Морская пена

Песок бурливая волна
покрыла пеной,
чья кружевная пелена
минутна, бренна,
как нашей жизни письмена
в своей конечности.
И только лишь душа одна —
песчинка Вечности.

Полёт мысли

Мысль может проникнуть в иную эпоху,
Пространство далёкое и измеренье,
Но только тогда обретает прозренье,
Когда устремляется к Богу.

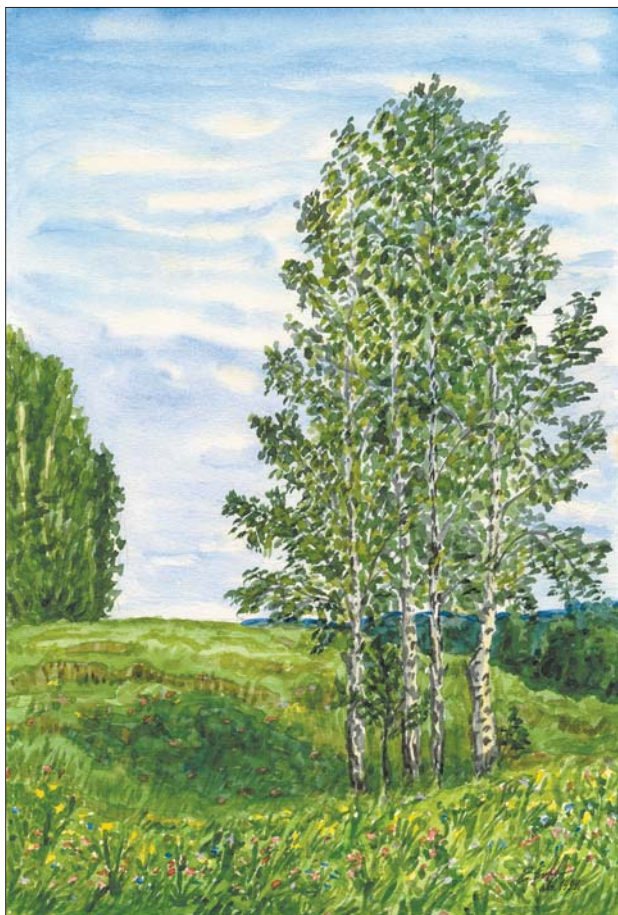
В безумной погоне за страстной мечтою,
В блуждании суетном много ли толку?
Рискуешь блеснувшую в стоге иголку
Принять путеводной звездой.

Лишь мысль, вдохновлённая близостью к Богу,
Порой постигает в свободном паренье
Иное — духовное — сверхизмеренье,
Пространство, столетье, эпоху...

Сияющий крест

В поднебесье красотой нетленной
Крест сияет светочем Вселенной
На свинце суровых облаков,
Землю ливнем оросить готовых.
Он душе и радость, и покров,
И спасенье от ярма грехов,
И надежда жизни — вечной, новой.

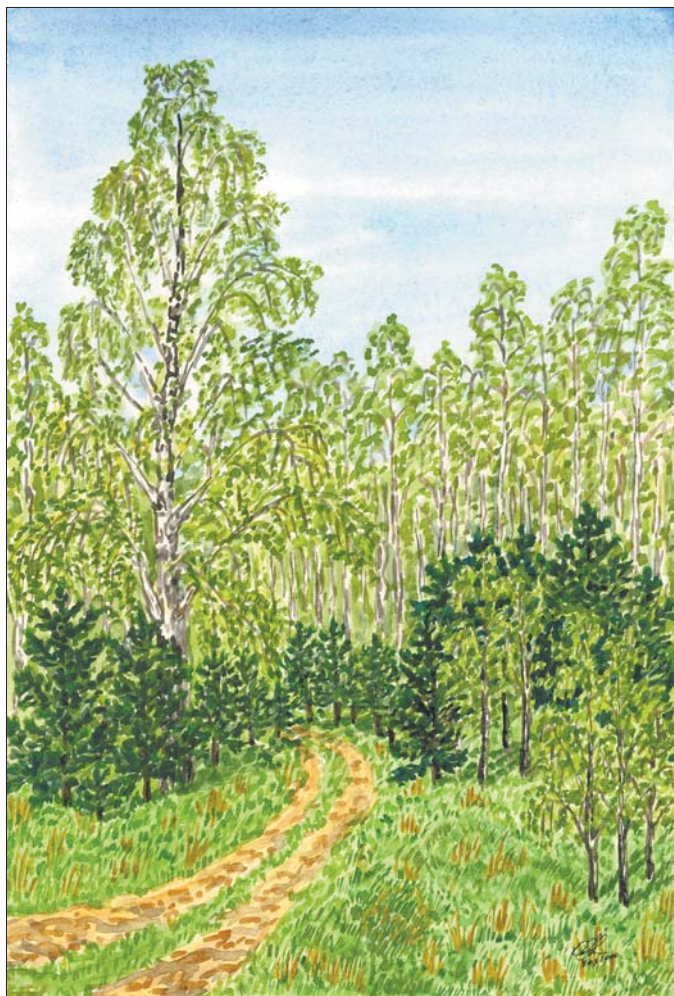

Русская глубинка

Зелёные просторы

Когда отъедешь от Москвы,
Вокруг зелёные просторы.
Луга, поляны, косогоры —
Всё в буйстве молодой травы.
В ней пестротканые вкрапления:
Гвоздики дикой огоньки,
Фиалок синих островки
И одуванчиков. Селенья —
Как вереницы кораблей,
Идущих строем непарадным
В зелёном море неоглядном
Родных лесов, холмов, полей.
И после скучного бетона
Многоэтажек нет милей
Весёлых майских зеленей
Под вечной сенью небосклона.

Русская глубинка

Иван-чай, иван-да-марья,
Ржи озимой полоса,
Разноцветье, разнотравье
И дремучие леса,

Земляника, голубика,
Под берёзой хрусткий груздь...
Это русская глубинка,
Неразгаданная Русь.

Сёла, городки, церквушки,
Речки и просёлков вязь,
Деревянные избушки
Сохранили с прошлым связь.

Эта Русь несуетлива
И не вычурна на вид,
По-былинному красива,
Тихо Богу предстоит.

Господи, пошли ей силы,
Как в былые времена,
Чтоб её не осквернила
Новорусская волна.

Родное разнотравье

Так люблю разнотравье мне российское,
Дух донника, ромашки и полыни,
И свежесть утра летнего росистого,
И ласковость полуденной теплыни,

И небо, то свинцово-серебристое,
То алое, то нежно-голубое,
И тишь полян лесных, и поле чистое,
И облака, плывущие гурьбою...

Без красоты и устаю, и вяну я,
И рвусь из душных комнат на раздолье.
Здесь для меня земля обетованная!
Здесь родина души по Божьей воле.

Предутренний покой

Серебрятся веточки сирени
В синеватой предрассветной мгле.
Спят леса, и нивы, и деревни
На родимой матушке-земле.

Церковь спит на берегу высоком,
Спят малиновки и сизари,
Но уже проснулся на востоке
Первый луч малиновой зари.

Новый день пока ещё в дороге,
Нежит спины дальних облаков...
Спи, земля, — он только на пороге, —
Набирайся силы для трудов.

Дорога домой

По канве травы зелёной —
Голубые незабудки.
Колокольчики — как будто
Брызги сини небосклона,
Где во всём полдневном блеске
Радостно сияет солнце.
Средь осин по перелеску
Ручеек прозрачный вьётся...
Край родной, напомни были,
Как росли мы, как любили.
Незабудки голубые,
Вы меня не позабыли?
Колокольчики лесные
И заветные осины,
Нежно вы навейте сны мне
О России, о России.

Эх, дороженьки...

Эх, дороженьки наши русские,
Немощёные, захолустные,
Меж лесов, полей, деревенечек...
Разливаются песни пеночек,
Соловьи поют златоустые.
Эх, дороженьки наши грустные!
Чую в вас родное, народное,
Сердцу близкое и удобное.
Росы в травушке блещут смальтою...
Жаль, закованы под асфальтами,
Иль среди луговин некошенных
Исчезаете, позаброшены,
Вы, дороженьки, нити прошлого,
Запылённые, безыскусные.
Эх, дороженьки наши русские...

Лилии

*Посмотрите на лилии,
как они растут:
не трудятся, не прядут;
но говорю вам,
что и Соломон во всей
славе своей
не одевался так,
как всякая из них.*
Евангелие от Луки (12 27)

Беззаботно лилии–царевны
Распустились рано поутру
И цветут, качаясь на ветру,
В ярком свете солнышка
полднемном.

Краше и изысканней персон
Аристократических фамилий
Здесь одета всякая из лилий.
Ручейком лазурным отражён
Их наряд, невыразимо милый.

Розов, бел, лимонно–жёлт, сиренев...
Каждый — совершенства образец.
Щедро одарил Господь–Творец
Кроткие безмолвные творенья!

Свет и вода

Свет утра на речной воде
Картины жизни созидает,
Лучи в глубины проникают.
И сердце внемлет красоте,

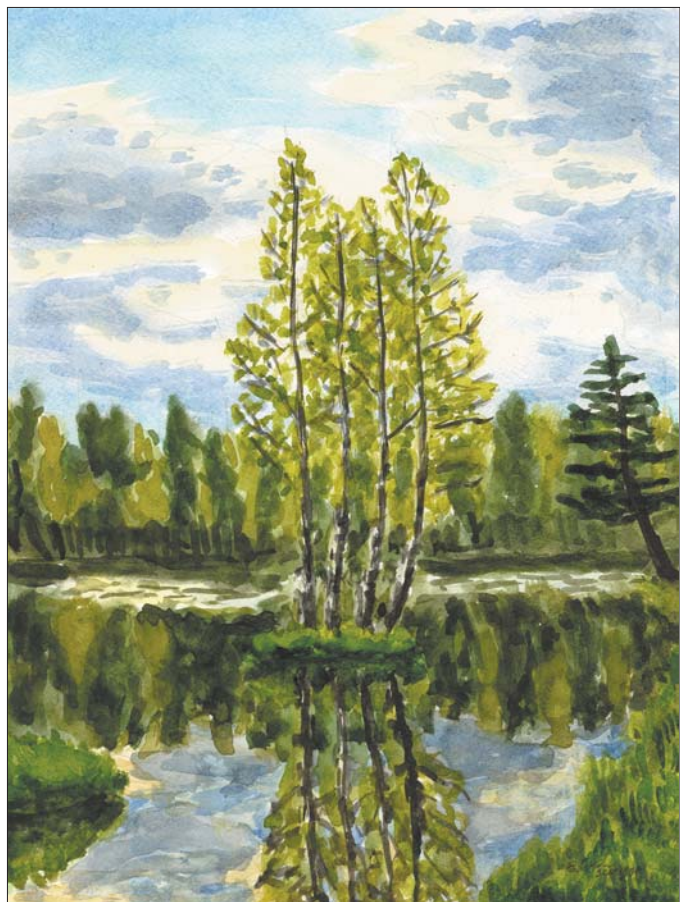
Легко двоящейся в воде.
В сиреневой её купели
Качается, как в колыбели,
Господень храм, зарей одет.

За ним цветущий вешний сад,
Поля и город современный.
Сей уголок благословенный
Небесным светом весь объят.

Сдуй пену серую сует,
Звенит, звенит пасхальный ветер
На воскресающей планете,
И плещет безудержно свет.

Мир полон утренних молитв,
Свет для него — вода живая,
Поток от края и до края
Вселенной Господом разлит.

Не пел бы песен херувим,
Не прорастали б зёрна злака,
Вода была бы бездной мрака
Без света Божией Любви.

Закат на русском севере

Заалели на закате облака,
Словно сказочной жар-птицы перья,
Что пасётся в неземных лугах.
Затворив неслышно в избу двери,
Сяду молча на резном крыльчке
Любоваться небом расписным
И туманом розовым над речкой,
И за ней узорочьем лесным.

С каждым мигом всё темней вода,
Гуще и загадочнее тени,
И шумят за лесом поезда,
И цикад немолчно свиристенье.
Облака на небе догорают,
Начинает Млечный путь мерцать.
И невольно мысли замирают
Пред великим замыслом Творца.

Капли майского дождя

Ходят тучи в мрачной выси.
На стекле оконном — бисер
Капель майского дождя,
Что на слёзы не похожи.
В каждой целый мир, быть может,
Дышит, чувства бередя,
Тихо в грёзы уводя.
И чарует грустный взор
Серебристый их узор.

Солнце брызнуло сквозь тучи
Светом ярким и могучим
На оконное стекло.
В каплях мириады радуг
Заиграли. То-то радость!
Время мрака истекло.
На душе светло-светло —
Словно, сдвинув полог гроз,
Улыбнулся Сам Христос.

Тайна осени

Нынче осень светится словно изнутри,
Всюду пляшут яркие отблески зари —
На траве, на камушках, на листве...
Листья отрываются от своих ветвей
И плывут по воздуху — за ладьёй ладья.
В танцах поздней осени — тайна бытия.
И грустна, и празднична эта круговерть —
Вянет листьев золото, неизбежна смерть.
Но не правит мудрая мать-природа тризн —
В почках народившихся затаилась жизнь.
...А в душе и осенью всё Любовь жива,
Неподвластна суетным узам естества.

Убывающий месяц

Состарился на небе месяц,
Усохшим серпиком висит,
Туманом очи занавесив,
На землю вовсе не глядит.
К нему обращены все взгляды
Влюблённых юношей и дев,
А он, к страстям их охладев,
В молитве черпает отраду,
Чтоб на две ночи в вечность скрыться
И чистым снова народиться,
И озарить наш мир безлунный
Своим безгрешным ликом юным.

Луна

Словно просыпаясь ото сна,
Смотрит ясноокая луна
Сквозь струю прозрачных облаков.
Тайно улыбается она,
И в улыбке той заключена
Благодать космических миров.

И дана от Бога власть луне,
Проплывая в горней вышине,
Свет Его в сердца людей вливать,
Чтобы на молитвенной волне
Мы могли в полночной тишине
Пенью ангелов Любви внимать.

Подарок на Покров

Накануне Покрова привёз
Школьный друг букет последних роз,
Но не тех, что в лаковой корзине
Куплены в цветочном магазине,
А других, познавших ветер воли,
Тех, что друг мой сам на даче холил.

Глядя с грядки на лесные дали,
Эти розы свет зари впитали,
Умывались капельками рос.
Леденящею рукой мороз
Лепестки их нежные не тронул.
Я букет поставила к иконам.

Светлый праздник на сердце моём.
Тонким ароматом полон дом
И неизъяснимой благодатью,
Той, что ниспослала Богоматерь
На простор земли моей родной,
Даровав Руси Покров святой.

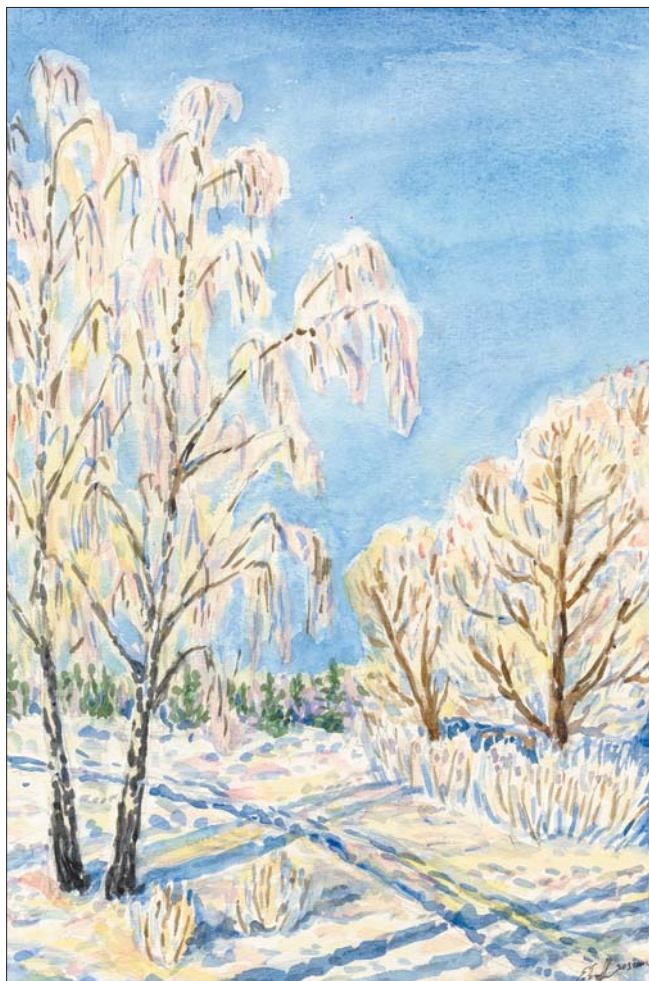

Зимняя мечта

Тихого солнышка нежность
Стелет на снежную свежесть
Тени узорную гжель.
Розовым инеем тают
Дальних берёз очертанья.
В чистых небес акварель
Снова мечта улетает.
Ей не страшны расстоянья,
Долгие дни расставанья,
Холод и злые слова,
Если любовь в ней жива.
Вся красота Мирозданья
В белой морозности дней
Как на ладони пред ней.

Зимняя муза

Солнце тихо к закату клонится,
И мороз гуляет вольней.
Снег, как будто узоры оникса,
Весь в прожилках светотеней.

Размахнулся иней, искрящийся
Позолотой поздних лучей.
Мне явилась муза, парящая
В перспективе дальних аллей.

О, прекрасный миг обретения!
Шелест крыльев её слышней.
Ждут нас звёздно-лунные бдения
На излёте зимних ночей.

Крымские зарисовки

На южном берегу Крыма

Томный дух цветков магнолий.
Свежесть ласкового бриза.
Солнце на морском просторе
Пишет яркие эскизы.

Волны плавно набегают
И играючи, небрежно
Изумруды рассыпают
На полоску побережья.

Гор сиреневых абрисы,
Быстрое паренье чаек...
Посидим в кафе на пирсе
За душистой чашкой чая.

Бросим чайкам крошки хлеба
И, вдыхая ароматы
Юга, поглядим на небо.
День склоняется к закату.

Голубой туман вуалью
Расстилается над морем...
Перед лучезарной далью
Тихо Господа помолим,

Чтоб излил на землю эту
Чистой благодати миро,
Ниспослал любви и света,
Благоденствия и мира.

Нежен крымский вечер ранний,
Словно кистью голубою
Сам Господь стирает грани
Между небом и землёю.

Предзакатное море

Шёлкового моря предзакатного
Волны розовато–серебристые
Гладят берег пеною лучистойю.
Тёплый воздух полон ароматами
Южных экзотических растений.
Реет чайка в плавном вираже...
И такое благорастворение
И в морской дали, и на душе.

Штиль

На море тихо. Дуновенья бриза
Слегка ласкают голубую гладь.
И облаков полупрозрачных риза
Недвижна в небе. Божью благодать
Сейчас никто, ничто не нарушает,
И не дерзает сильно ветр подуть.
Душа покой молитвенный стяжает,
Любви Господней постигая суть.

Весна в Крыму

Черешни и яблони в кипельно–белом цвету,
А персиков ветки в атласном узорочье розовом.
Мне кажется всё в этом крымском весеннем саду
Рассветною сказкой, волшебною райскою грёзою.
Махровые кисти в лазурь окунула сирень,
Пион древовидный в роскошных
малиновых венчиках.

Гудение пчёл, певчих птиц неумолчная звень.
Садовые ландыши в каплях бутонов–бубенчиков.
Синеют барвинки, желтеет акации куст,
И жимолость льёт ароматы
повсюду тончайшие...

И ветер морской прочь уносит тревогу и грусть
Души, по теплу, красоте и по свету скучающей.

Облако над морем

Облако белое гроздью громадной
По ясному неба аквамарину
Неторопливо плывёт.
И с высоты голубой безотрадно
Смотрит оно на морскую пучину.
Там, в зыбком зеркале вод,
Серая глыба — его отраженье —
Жизнью земною живёт,
Скована сильным земным притяженьем,
И не глядит в небосвод,
В нервном своём суетливом скольженье
Чужда предвечных красот.

Южная ночь

Дышит прохладой вечер
После жаркого дня
И ароматом грёз.
В небе луна блестит.
Вот уже ночь мостит
Путь под названьем Млечный...
Где там звезда моя
Средь мириадов звёзд?
Где тот заветный мост,
Душу ведущий в вечность
Через битвы дневные
И молитвы ночные,
Дел мирских миражи?
Господи, укажи.

ЗАВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Боярышня

Романтическая фантазия

Тройка удалая мчалась быстро,
Угасала зоренька багряная.
Вот и терем наш. По снежным искрам
Я ступала в сапожках сафьяновых.
У крыльца заиндевел боярышник.
Нарумянил щёки мне мороз.
Батюшка катал меня, боярышню,
И до дома к вечеру привёз.

Мы летели вдоль речной излучки,
Чтоб тоска–печаль моя развеялась,
Чтоб не маялась душа в разлуке,
Чтобы милого ждала–надеялась.
Милый мой справляет службу царскую.
На чужбине, ох, как нелегко!
Мне б согреть его любовью–ласкою,
Да теперь он очень далеко...

Встала у родимого крылечка,
Поглядела в тёмный двор завьюженный.
Отчего забилось вдруг сердечко?
Знать, почуяло, что близко суженый...
Ель взмахнула лапою игольчатой,
Улеглась январская метель.
Чу! — сквозь колкий ветер колокольчиков
Донеслась безудержная трель.

Я бегом к воротам отворённым...
Смолкли колокольчики знакомые,
Из саней навстречу — наречённый.
Закружил снежинкой невесоюю:
«Ты ли, моя милая, желанная?!
Тосковал я много–много дней!
Кончилась разлука окаянная,
Быть тебе боярыней моей...»

Любовь флейтиста

Видение из прошлого

В старинном парке молодой флейтист
Мелодию любви своей играет.
Весенний ветер нежно развевает
Широких рукавов его батист.

Сливаясь с пеньем птиц в объятьях мая,
Душа певца перетекает в звук.
Толпится праздно публика вокруг,
В рассеянии музыке внимая.

Но не видать её, любимой, той,
Что стала музой светлой музыканта,
Чей образ ярче граней бриллианта
Сверкает ненаглядной красотой.

И грусть–печаль овладевает флейтой,
В очах флейтиста будто меркнет свет...
Но, чу! Вдали любимой силуэт!
И песня вьётся лучезарным шлейфом.

Взлёт музыки. Любви счастливый жар
Созвучьями волшебными трепещет...
И публика в восторге рукоплещет,
Кладёт монеты в старенький футляр.

А музу–скромницу никто не замечает.
Флейтист ей улыбается. Без слов
Они идут на звон колоколов —
Теперь им хватит денег на венчанье...

Цветок вишни

Ублажал ясный вечер вешний
Тонкий запах цветущей вишни.
Пел скворец, новосёл скворечни,
И журчал родничок чуть слышно.

Мир любви был беспечно новым,
Жаждал яркой жизни и счастья...
Он сорвал ей цветок вишнёвый
И украсил простое платье.

Он казался самым красивым,
В её взоре светилась нежность.
Подарила им год счастливый
Юных чувств весенняя свежесть...

Налетела военная замять,
Он погиб, и засохла вишня,
Но остался цветок на память —
Тот, что был на кисете вышит.

Вешний сон

Соткан искусницей-весной
Покров травы в глуши лесной,
Деревьев вышита канва.
Сквозь ветки плещет синева
Нам в лица. Снова ты со мной.
Какая тишина!
Признаний не нужны слова —
Сказала всё весна...

Росток

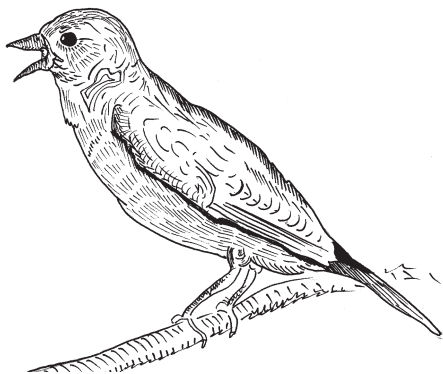
Лесной проталины
края хрустальные
сверкают в солнечных лучах
и тают, влагою питая
росток цветка. Он не зачах
и силы тайные
хранил под снегом,
с терпеньем кротким ожидая
весенней неги.

И дни желанные пришли,
пригрело солнце.
Проснувшейся родной земли
покинув лонце,
пробился молодой росток
сквозь сетку веток,
с надеждой глядя на восток,
раскрыл лазоревый цветок
навстречу свету.

Так затаённая любовь,
отбросив маски,
взойти ростком готова вновь
навстречу ласке,

порвав сомнений долгих нить,
вдруг расцвести и расцветить
привычность буден
и светом чистой веры жить,
что счастье будет.

Соловьиный вечер

Июньский парк. Трель соловья
И щебет птах неугомонный.
Вот и заветная скамья
Под старой липой благовонной.

Присядем рядышком в тени.
Сегодня соловьиный вечер!
Ты мне слова любви шепни
И нежно обними за плечи.

Внимай, мой милый, соловью
И будь счастливым и беспечным.
Тебя любовью обовью
И увлеку собой навечно.

Плач о любви

Небо серое поседелое —
Словно море оледенелое.
Солнце бледное каравеллюю
Только вынырнет — сразу спрячется...
Сердце горлинкою несмелою
О земной любви Богу плачется:
Отчего любовь несчастливая?
Не избыть её и не высказать,
Под заснеженной белой ивою
Бедной горлинке слёз не выплакать,
Счастья чистой любви не выстрадать.
Не найдёт, видать, молчаливое
Сердце скромное, благородное
Ни участия, ни взаимности:
Мир жесток: не простит наивности
Тем, кто алчет пути Господнего.
Но страдания нет бесплодного:
Суждено горюющей горлинке
Обрести Любовь в горней горенке.

Вздых осени

Скрылось солнышко румяное,
Вышел месяц молодой.
В нежной дымке золотой
Роща розово-багряная
Тонко источает пряные
Запахи листвы сухой...
Шёпот осени глухой —
Словно тихий, потаённый
Вздых любви неразделённой,
В сердце издавна живой...

Осенней любви пожар

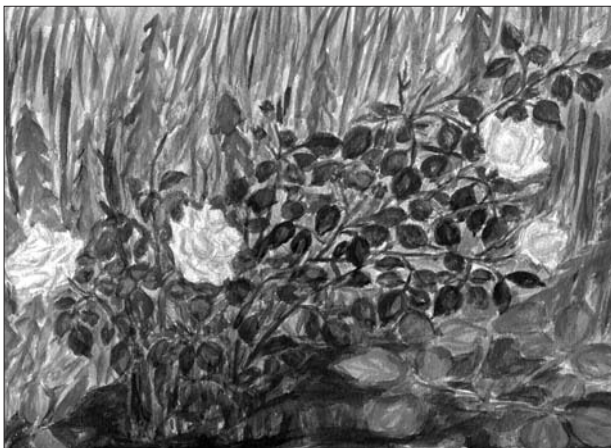
Ещё горят поцелуи,
Впиваясь щетиной жал,
Но гасят метели струи
Осенней любви пожар.
Уже золотые листья
Померкли в белом снегу
И осени шуба лисья
Седает. На берегу
Прощаемся и прощаем.
И нам бесконечно жаль
Смотреть, как он угасает —
Осенней любви пожар.

Брошенная женщина

Листва, уже не золотая,
А ржаво-бурая,
На траву мокрую слетает.
Молчат понурые
Осины, липы и дубы,
В туман укутались.
В промозглой мгле моей судьбы
Тропинки спутались.
В душе — смятение и дрожь.
Молюсь отчаянно.
Ласкает утешитель-дождь
Глаза печальные.
Не видно будущего сквозь
Завесу прошлого.
С любовью счастье не сплелось,
На землю брошено
Листком сухим... Назад два дня
Шла с милым рядом.
Теперь бреду как перст одна
За листопадом.
И не найти, видать, кольца
Мне обручального.
Тропе пустынной нет конца —
Опять в начале я.

Чайная роза

Расцвела в саду роза чайная,
Между алых роз неприметная,
Очень нежная, чуть печальная —
Как любовь моя безответная.

Лепестков её прелесть тайная —
Словно детства мечта заветная.
В тишине цвела роза чайная,
Как любовь моя безответная.

Ветер жизни дунул нечаянно,
И угасла надежда тщетная.
Отцвела в саду роза чайная,
Как любовь моя безответная.

Любовь ушла

Увы, любовь от нас ушла,
Чужими стали вдруг.
Тебе я не желаю зла.
Расстанемся, мой друг.

Не обижайся на меня —
Никто не виноват.
В душе любовного огня
Не воспалит твой взгляд.

Прости. Прощай. Влюбляйся вновь
И счастливо живи,
Не принимая за любовь
Желание любви.

Я расстаюсь с тобой без слёз,
С молитвой на устах:
Да сохранит тебя Христос
На всех земных путях.

Письмо пленника любви

Константин Ильдефонс Галчинский

Перевод с польского

Любимая, дорогая,
Уж сон овладел тобою.
Тень твоя на стене играет,
И ночь — как будто весною.

Единственная на свете,
Как мне воспеть твоё имя?
Ты — словно водица летом
И солнышко в холод зимний.

Ты — счастье моё весною,
Осенью, летом, зимою.
Шепни мне что-нибудь на ночь,
Сквозь сон пожелай покою.

За что мне награда эта —
Рай рядом с тобой чудесный?
Ты для меня — свет света,
Дороги моей песня.

Поздняя любовь

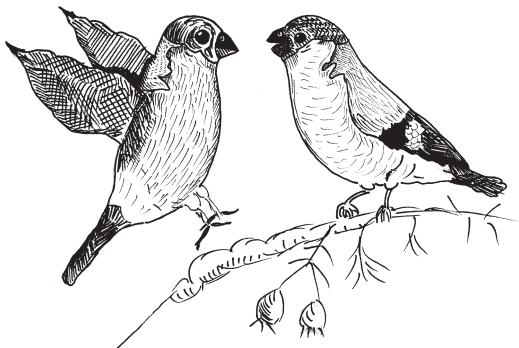
Когда с годами страсти глуше,
То чувства глубже и верней.
Они лишь обнимают душу,
А не господствуют над ней.

Душа лелеет не напрасно
Неувядаемый их цвет.
И поздняя любовь прекрасна,
Когда в ней грубой страсти нет.

Когда взаимные молитвы
Двоих спасают от беды,
Им отворяет Бог калитку
В Свои небесные сады.

И бури мира не иссушат
Любви Божественных корней.
Когда с годами страсти глуше,
То чувства глубже и верней.

Снегири

На кусты шиповника
В мареве зари
Сели снегири.
Иглами шипов
Лапки уколов,
Вмиг вспорхнули, ввысь
Стайкой унеслись...
Так шипы терновника
Примет вдруг душа,
Грёзами дыша,
За ростки любви.
Птичкой в крови
Взмает в облака
Плакать на руках
Горнего Садовника.

Белые хризантемы

Жизнь идёт вне желанной схемы,
От судьбы не свершить побег...
Летом белые хризантемы
Вдруг напомнили первый снег.

Не забыла, как в октябре мы
Шли чредою аллей сквозных,
На ветвях цвели «хризантемы»
Ослепительной белизны.

И казалось, что неразрывны
Две цепочки наших следов.
Влюблены, по-детски наивны...
Жизнь сложнее беспечных снов.

Первый снег оказался хлипким,
Как влюблённость. И насовсем
Мы расстались, простив ошибки...
Но теперь букет хризантем,

Поднесённых на именины,
Мне напомнил тот снежный день.
Нет на сердце тоски-кручины,
Промелькнула лишь грусти тень.

Мало ль в жизни чего хотим мы!
Мало ль в мире пустых сует!
А пути неисповедимы
Божьи. Только б идти на Свет...

Память первой любви

*О память сердца, ты сильнее
Рассудка памяти печальной.*

К. Батюшков

Иней на берёзовых ветвях —
Нежный элегический мотив.
Память сердца — в радужных сетях,
Призраки былого возродив:

Хрупкость первозданной красоты
Юных разбудивших душу чувств,
Ясное сияние мечты,
Безмятежных расставаний грусть

В зимнем парке в незабвенный час —
Предзакатный, ало-голубой...
Уходя, благословила нас
Первая безгрешная любовь.

Хоть рассудка память жестока,
Неподвластна чарам нежных грёз,
Помнит сердце, как, искрясь, стекал
Иней с тонких веточек берёз...

Чета стариков

*Памяти родителей
Валентины и Николая Егоровых*

Инея жемчужные клубы.
Замер лес, на облако похожий.
Небеса светлы и голубы.
И ничто покоя не тревожит.

Не спеша печатает следы
По искрящейся в лучах пороше
Стариков чета, но молодых
Глаз не утаить им от прохожих.

Он ведёт её через овраг,
По мостку ступая осторожно.
Видно, время друг им, а не враг...
Бог — Любовь, а Богу всё возможно.

Пусть страстей накал давно утих,
Волосы седы, пальто — вне моды,
Но любовь поёт в сердцах у них,
Одолев житейские невзгоды.

Им вослед мечтательно глядит
Девушка, утратив вдруг беспечность.
Старики идут, а впереди —
Вечность.

Встреча с весной

Я увидела весну
На лице девчушки малой,
По снежку она бежала
И беспечно улыбалась
Лучику, что к ней прильнул.

Я увидела весну
На лице одной старушки,
Что гуляла у опушки.
На щеках её — веснушки,
Хоть виски подобны льну...

Я увидела весну
В раннемартовскую стужу,
Прогнала тоску наружу
И любовь пустила в душу,
И надеждой взгляд блеснул.

Любовь и ненависть

Любовь всегда светла
И внутренне тепла.
Она — души полёт,
Прямой стезёй ведёт,
Печалям сострада,
В просторы рая
И жизнь даёт.

А ненависть черна
И вечно холодна.
Она — вселенский лёд,
Кривой тропой влечёт,
Чужим страданьям рада,
В труппы ада
И смерть несёт.

Луна любви

Луна любви взошла внезапно
И осветила сумрак дней,
Но скоро уплыла на запад,
Жалей о том иль не жалей...

Не погружайся в сожаленья,
Не хмурь морщинки, старина:
Была игра воображенья —
Не настоящая луна.

Любящие сердца

Всемиловитый Бог от века
Дал Отчей волей человекам
Сердца, что без любви не могут —
Они от холода немеют,
Окованные суетой.
Спасает только вера в Бога,
Что и в морозы пламенеет —
Любовью истинной, святой.
А тот, кто бессердечен —
Не вечен.

Любовь бессмертна

Ничто не вечно под Луной,
сама Луна не вечна.
И как ни горько,
земная жизнь конечна.
Умрём и мы с тобой,
но телом только.
Душа бессмертна и Любовь,
я знаю верно,
ведь любит Бог
Своих рабов.
Любовь бессмертна!

Любовь Господня

Любовь Господню невозможно нам постичь —
Мы о земной любви не знаем толком:
Она — игра гормонов? Сердца клич?
Иль душ родство? Иль чары запахов и только?

Когда любовь людей — одно лишь тел влечение,
В ней пышет яркий пламень преисподней.
Когда любовь — сердец людских свеченье,
Она и есть частица той любви Господней.

Ещё два раза о любви

1

...Любовь — прекрасный сон,
Обманчивый мираж,
Страдание и стон,
Безумной страсти раж...
Как это плоско и банально!
Как устарело изначально!
Слов надоедливый трезвон,
Пустой поэзии пассаж
Из восклицаний «Ох!» да «Ах!»...
Избавь от них, Господь, избавь!
Любовь Твоя — иная явь,
Невыразимая в словах.

2

Поэты испокон веков
Любовь превозносили богомольно.
Но о любви не надо много слов.
Любовь — всей нашей жизни кровь.
И этого довольно.

Осеннее счастье

Небо осени холодно–голубое.
Отшумел последний листопад,
А душа природе невпопад
Жарко дышит счастьем и любовью.

Не страшны в грядущем холода,
Если нам завещано с тобою
Жить одной–единственной судьбою
И не расставаться никогда.

Заветная любовь

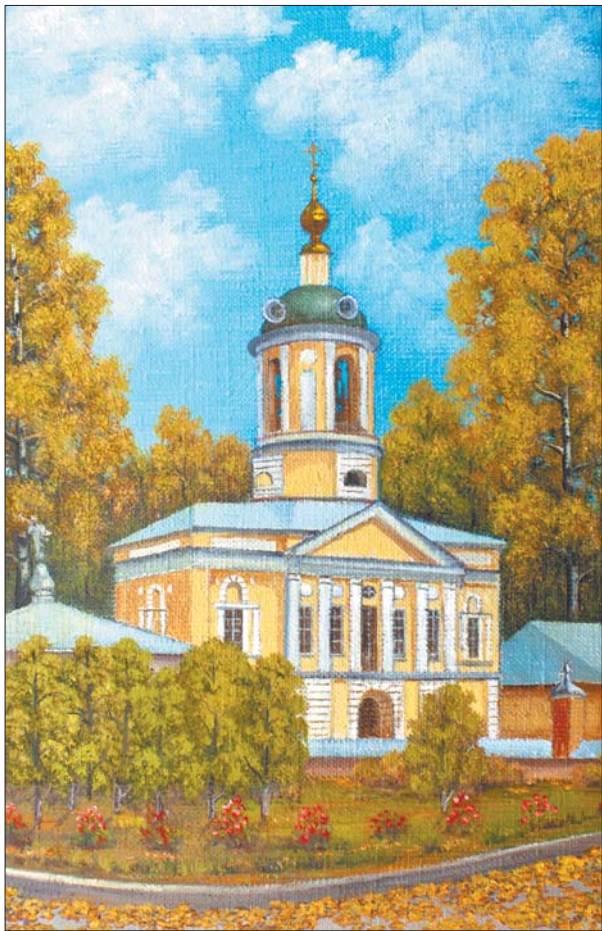
На заре рябиновые свечи
Загорелись ярко пред зимовьем.
На любовь нежданную отвечу
Я тебе заветною любовью,
Чувствам нерастраченным дам волю,
Ясною улыбкой околдую,
Все твои сомнения и боли
Поцелуем нежным уврачую.
Пусть река любви клокочет в устье,
А печали счастьем обернутся...
Только б в этих вдохновенных чувствах
Никому из нас не обмануться.

Любовь животворящая

Любовь в судьбе настоящая —
Чудо животворящее,
Вся жизнь с неё начинается
И ею благословляется,
Её волшебные лучики
Высвечивают всё лучшее.
Во имя любви страдание —
Пред Богом исповедание.
Когда путь судьбы кончается,
Любовью итог измеряется.

ОСЕННЕ-ЗИМНИЕ ЭТЮДЫ

Музыка Листа

Вот и первые листья
Падают с веток лип.
В парке музыка Листа —
Лета последний всхлип.
Робко сквозь тучи брезжит
Снопик лучей косых,
Словно прощаясь, нежит
Крылышки стрекозы.

Музыка воскрешает
Призрак любовных грёз,
Манит и обольщает
Тем, что не удалось,
Что уже не поправишь
Судьбам наперекор...
Лист на линейке клавиш —
Предосенний аккорд.

Гадание осени

Весёлая осень под ноги бросает
Опавшей листвы разноцветье,
Как будто на картах счастливых гадает.
Богатство сулит, многолетье
Мне лист золочёный дубовый.
Листочек карминовый клёна —
Успехи на фронте любовном.
Несёт желтовато-зелёный
Подарок от юной берёзы
Надежды и сладкие грёзы...
На землю гляжу с замираньем:
Сойдётся ль пасьянс? Разлетится?..
А впрочем, к чему мне гаданье? —
Судьба только в Божьей деснице.

Величание осени

Осень–матушка ты премудрая,
Златоглазая, златокудрая,
Ты хозяйюшкой своенравною
Покорила всю Русь державную.
Необъятные наши вотчины
Все твоей рукой позолочены.
Листья яркие наземь падают...
Душу грустную тихо радуют
Красота твоя несказанная,
Щедрость русская, самобраная.
Ты прими душой беспечальное
Песнопение величальное.
Царствуй, осень, на русском раздолье,
Сколь дано тебе Божьей волей.

Осенние тона

Осень. Тёплые тона. В воздухе прохлада.
Золотая тишина. Праздник листопада.
Мягкость солнечной улыбки.
Облако в пруду как в зыбке.
Чистый не вечерний свет.
В сердце нежной грусти след...
Лёгкость светотени.
Увяданье сада.
Ясность и смиренность.
Большого не надо.

Сентябрьское

Снова в листьях зелёных
Замаячила прожелть
На берёзах и клёнах.
Год почти уже прожит...

Солнце светит неярко.
На аллее кленовой
В глубине лесопарка
Запах осени новой.

Настроенье грустнее:
Стали старше мы на год.
Всё краснее, краснее
Цвет рябиновых ягод.

Но метель–непогода
Лес разденет нескоро,
Будет праздник природы —
Красно–жёлтых узоров.

Выйдет ясное солнце,
Не угаснет надежда,
И душа улыбнётся,
Молодая, как прежде.

Гимн сентябрю

Полнеба — синь,
Полнеба — тучи,
Поутру — стынь
И ветер жгучий,
В обед — теплынь
И солнца нежность,
А к ночи — свежесть.
Шумит лесок
Жёлто-зелёный.
Летит листок
Багряный клёна,
Скрипит мосток,
От влаги скользок.

Нет ни стрекозок,
И ни шмелей,
Ни мошек шальных.
Среди полей
Цветов уж мало.
И сеть теней
Темней, длиннее.
И всё сильнее
Друзья хотят
Былого зною
Или хотя б
Уехать к морю.
А я сентябрь
Люблю, не скрою,
За свет смиренья,
За вдохновенье.

Росинка грусти

Белые берёзоньки надели
В золотую крапинку вуаль.
На иголках изумрудной ели
Мелких капель светится хрусталь.
Изредка пробьётся солнца лучик,
Но в лесу осеннем — благодать.
Нет тебя со мной. Так, может, лучше:
Невозможно сердцу приказать.
Под ногой то лист, то хворост хрустнет,
То чирикнет с ветки воробей,
То в душе блеснёт росинка грусти
О любви несбывшейся моей.

Калейдоскоп настроений

То дождь, то солнце, а порой
И дождь, и солнце сразу:
Природа увлеклась игрой.
Луч, преломляясь в стразах
Прозрачных капель золотых,
Рождает арки радуг
На лоне облаков стальных.
В душе то грусть, то радость,
То жар любви, то вдруг озноб
И горечь сожалений:
Вращается калейдоскоп
Осенних настроений.

Похвала осени

Говорят, что осень с грустью неразлучна,
Облака клубятся в сером небе кучно...

Скучно!

Но бывает, осень, царствуя над миром,
Дарит его щедро золотом и миром...

Мило!

Хоть порою дождик каплет долго, нудно,
Виден свет сквозь призмы капель изумрудных...

Чудно!

Золотятся клёны, зеленеет озимь...

И душе любая люба наша осень —

Очень!

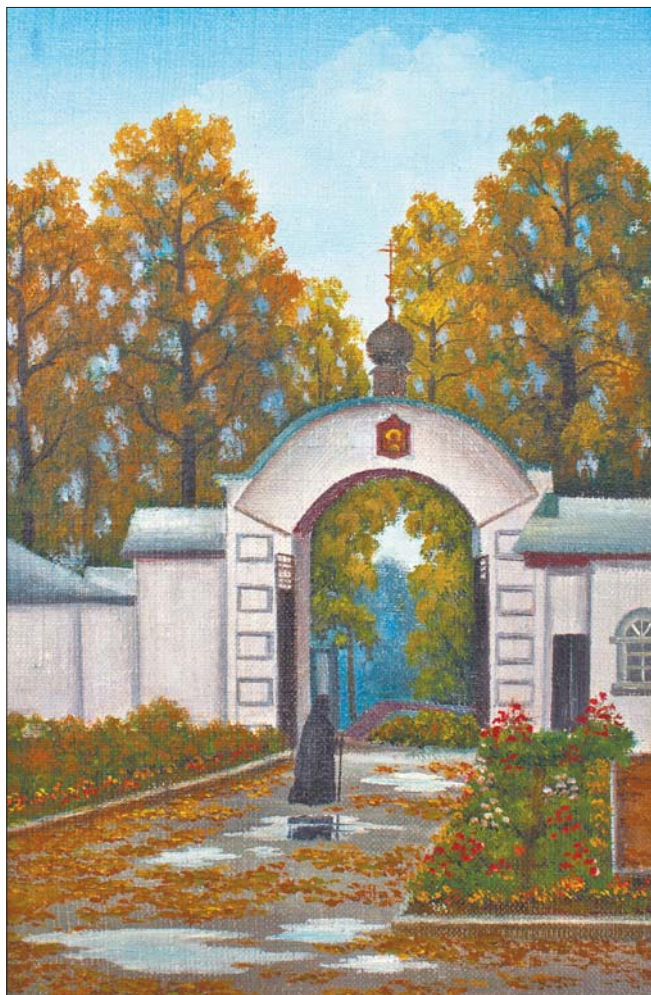

Этюд в золотом

Тает занавесь тумана,
Проявляя, как на снимках,
Золотые сарафаны
На берёзках и осинках.
Вот и узкая тропинка
Проступает в светлой дымке
И ведёт в заветный храм
К золочёным куполам.
Тихо. Солнечно. Красиво.
Пишет осень не скупясь
В памяти души курсивом
Золотую строчек вязь.

Осенняя молитва

Краски уходящей осени —
Буро-жёлтая пастель.
Листья на зелёной озими —
Грёз лоскутная постель.
На кустах дрожат последние
Выцветшие кружева:
Обветшали ризы летние
После снега Покрова.
Листья в парке тлеют грудами,
Небеса заволокло,
И синица желтогрудая
Клювиком стучит в стекло.
В голубиной стае — юркие,
Осмелевшие дрозды.
Разгулялись ветры гулкие,
Мутят стылые пруды.
Но спокойны золочёные
Главы строгие церквей
И виднеются иконами
Над узорчьем ветвей.
Плавают лучики закатные
Серой тучи монолит...
Осень — время благодатное
Для раздумий и молитв.

Позднеосенние стихи

1

Тени всё длинней, всё уже,
Яркий лист на тёмной луже
Рдеет отблеском зари.
О колючей зимней стуже
Ветер лесу говорит,
Листья на тропинке тут же
С завыванием вихрит
И с четы берёз-подружек,
Разгулявшись в поле чистом,
Золотые рвёт мониста,
А застряв в кустах, ворчит,
Бахрому осенних кружев
Растрепав, над лесом кружит.
Осень смотрит и молчит...

2

Краски осени тускнеют,
День-другой — и отгорят,
Но прощальный цвет роднее
Сердцу русскому стократ
И милее бесконечно,
Чем торжественный наряд
Дальних стран, где лето — вечно.

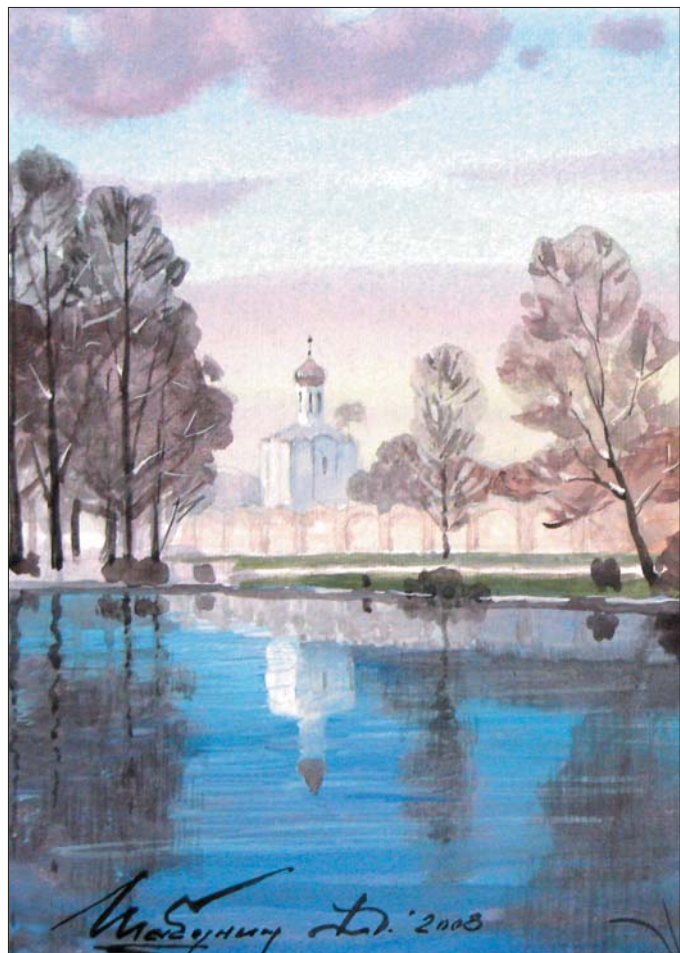
3

Есть в красе осенней зыбкой
Счастья светлая улыбка,
И смирения печать,
И вселенская печаль,
Вечной битвы пыл и лихость,
И святой молитвы тихость,
Старых чувств воскресших новь,
И небесная любовь.

Ноябрьская радость

Ступила осень на рубеж
Поры прощальной,
Но день ноябрьский тих и свеж.
Свет беспечальный
Повсюду. Стал наш березняк
Ещё белее,
Лишь редким язычком огня
Оранжевеет
Листок среди нагих ветвей
И в небо рвётся,
А иней тает на траве
При ясном солнце.
Мне весело глядят в лицо
Глаза каплюшек,
Играя бисерной пыльцой
В зелёном плюше.
Пусть завтра русская зима
Свой нрав покажет,
Снег занесёт пруды, дома
И сад, пока же
Лучи плескаются в струях
Живой водицы,
Пьёт сердце радость бытия
Из той криницы.

В ожидании снега

Все осыпались розы,
Облетели все листья.
Ледяная короста
На карминовой кисти.

Одинокой рябине
Снится вьюжная нега.
А земля вся в кручине —
Каково ей без снега?..

А душа тянет к Богу
Обнажённую вью.
В суете и тревоге
Каково без любви ей?..

Но кручина не вечна,
Будут добрые вести.
Мы с рябиной сердечно
Богу молимся вместе.

Выйдет радость наружу,
Вьюга землю заснежит.
Одинокую душу
Бог любовью утешит.

Предрассветное

Голубую утреннюю стужу
Золотит прощальный блеск луны...
Тише, не спугните тишины,
Благодатно охватившей душу.
Полюбуйтесь, как издалека —
Из-за леса спящего — любовно
Алой акварелью облака
Луч румянит. В куполе церковном
С каждым мигом ярче переливы
Синих и малиновых цветов.
Тянется по снегу нить следов —
Инок в церковь шёл неторопливо.
Гаснет медленно ночник луны,
Мглы рассветной розовеют волны...
Тише, не спугните тишины —
Пусть душа помолится безмолвно.

Аленький цветочек солнца

Аленький цветочек солнца
Распускается средь круч
Утренних угрюмых туч
В рамке тёмного оконца.
Кружит вихря веретёнце
Блёстки снега вдоль тропы.
Может, это знак судьбы —
Аленький цветочек солнца?

Ярче, ярче пламенеют
В небе лепестки огня,
В свет преображаясь дня.
Комната моя светлеет.
И в душе надежды нежной
Всходят свежие ростки.
И вплетаю в вязь строки
Чувств раскрывшийся подснежник...

Время и Красота

Сковала воду льда
Прозрачная слюда.
Как зачарованные, в ней
Оледенели отраженья
Домов, деревьев и церквей.
И возникает ощущение,
Что в предвечерней дремоте
Здесь Время вдруг остановилось
И постепенно растворилось
В самой Предвечной Красоте.

Полуночный снегопад

Бриллиантами снежинок,
Что таинственно сверкают
В золотисто-жёлтом свете
Фонарей заиндевелых,
Стелет нежно мне дорогу
Полуночный снегопад.

Месяц, седовласый инок,
Из-за туч благословляет
Грёзы, что волшебник ветер
Нашептал. Иду я смело
К дорожному мне порогу
И не оглянусь назад.

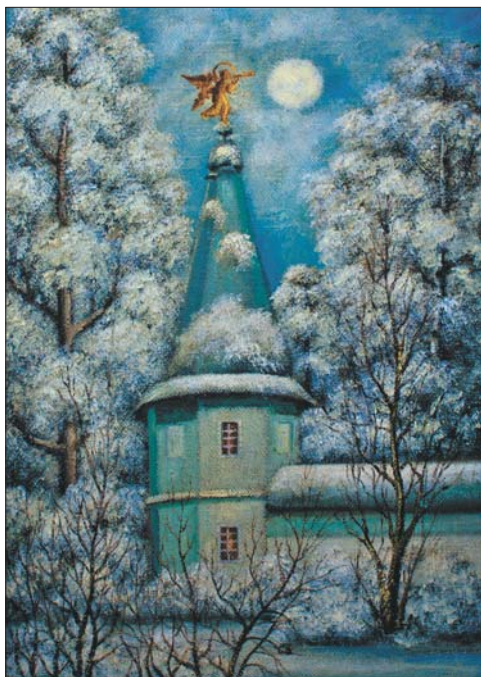

Сюрреальный закат

Укрылось солнце в сопках мгlistых.
Ажурный полог бурых листьев
Слегка морозом накрахмален.
Закат тревожно сюрреален.
Печальны колокольные аккорды.
Волнует ветер ветви сосен гордых.
Багровых облаков взлохмаченные космы
Темнеющего неба синий космос
Громадной паутиною опутали.
А люди кажутся здесь лилипутами
Пред мощью и бескрайностью Вселенной...

Но гаснут краски. За прозрачной пеной
Померкших облаков всё ярче звёзды.
Всё холодней бодрящий душу воздух.
Вот Млечный Путь сквозь дымку проявился.
На башне ангелок засеребрился
В лучах луны, всходящей на востоке...
Нет, в этом мире мы не одиноки —
Куда бы жизни ни вела дорога,
У каждого есть Ангел свой от Бога.

Зимне-утреннее

Пока автомобили сонно
Застыли, ёжась, во дворе,
Снежинок маленькие солнца
Уже сияют на заре,
Яснеют светотени.

Лучи по самоцветным волнам
Снегов разбуженных бегут,
И с переливом колокольным
В душе молитвы восстают
От тихих сновидений.

Восток небес уже пылает,
Цветами чистыми маня.
И утро юное не знает
Ещё сует греховных дня
И праведных свершений.

Цветок гloxинии

Светало. Утро бледно–синее
Ещё дремало за окном
Под лёгким покрывалом инея.
На подоконнике гloxиния
Раскрыла венчик. Мотыльком
В сияющие дни весенние
Казался он в лучах зари
И будто за своё рождение
Всеvyšнего благодарил...
Мне виделось садов цветение
Сквозь тонкий полог полусна,
Как будто впрямь пришла весна.
Очнулась, глянула на улицу —
На ветках снежные цветы.
Поодаль куст седой сутулится...
Мне жаль предутренней мечты.
Слегка погладила гloxинии
Лиловый бархатный цветок.
Какие ласковые линии
Рисуют каждый лепесток!
Непревзойдён художник–Бог,
Создатель красоты... И в горнице —
Тепла небесного волна.
И вновь душа любовью полнится —
Жива в ней вечная весна!

Одинокая звезда

Одинокая звезда над церковью
В тёмно-синем бархате небес
Загорелась тихо. Землю мерклую
Озарил её печальный блеск.
Ей в ответ снежинки фейерверками
Засверкали на волнах снегов,
Словно мириады светлячков.
И в холодном космосе далёком
Та звезда теперь не одинока —
Засветилась ярко, беспечно,
Красотою чистой, изначальной
Отразилась в золоте крестов
И глядит алмазными очами
В нескончаемую даль миров...

Четырнадцатилетний учитель

Документальный рассказ посвящен памяти родителей Валентины и Николая Егоровых

В этот октябрьский день 1944 года утро выдалось погожее и нехолодное. До конца урока алгебры в выпускном классе Спешне-Ивановской семилетки оставалось минут десять. Стоя у доски, Коля решал систему уравнений, спокойно и уверенно поясняя одноклассникам ход решения.

— Итак, ответ: $икс$ равен семи целым четырём десятым, $игрек$ равен минус пятнадцати.

— Молодец, всё верно, — похвалила его математичка. — Тебе, как всегда, пять.

Вернуться за парту он не успел: дверь класса приоткрылась, и послышался зычный голос технички:

— Егорова к директору Тутиковой! С портфелем! Срочно!

— Иди, Егоров, — разрешила учительница, проставляя оценку.

Коля взял дневник, быстро собрал учебники и тетрадки и вышел из класса.

— Здравствуйте, Дарья Николавна. Вызывали? — спросил он, заходя в кабинет директора.

— Здравствуй, Николай, — назвала директор лучшего ученика полным именем — и неспроста! — Нина Николаевна сегодня утром слегла с высокой температурой, — продолжила она. — Некому вести уроки в первом и третьем классах у вас в Городках. Мы с завучем решили тебе поручить. Справишься?

— Постараюсь, — серьёзно ответил Коля. — А как же лабораторка по химии?

— Лабораторную работу на следующей неделе сдашь после уроков. Другие-то предметы ты, поди, уже на два параграфа вперёд выучил?

— Да... А откуда вы знаете? — смутился подросток.

— Я всё знаю, — улыбнулась директор. — Вот проверенные тетрадки Нина Николаевна тебе прислала, раздашь ученикам. А это прописи для первоклассников. Она тут заложила, что дальше им писать. Букварь, хрестоматия, учебники арифметики и русского в школе есть. Тебе вторая учительница, Елена Петровна, подскажет. Она в курсе, что проходят. С четырьмя-то классами ей одной не управиться.

— Хорошо, я сейчас же пойду, — сказал Коля, складывая тетрадки в портфель. Он солидно достал из внутреннего кармана пиджака большие серебряные часы, недавно подаренные отцом Алексеем Спиридоновичем, открыл крышку и взглянул на циферблат:

— К третьему уроку успею.

Эти часы знаменитой фирмы «Павел Буре»¹ были предметом Колиной гордости, он их очень берёг. Отцу их подарил в 1915 году покойный дед Спиридон Данилович Егоров, который был потомственным кузнецом, известным и уважаемый во всей округе.

Коля убрал часы и с трудом застегнул «распухший» портфель.

— Заплатить мне тебе за уроки, сам знаешь, пока нечем, но пайком не обижу, выделю в конце недели, — пообещала Дарья Николаевна. — На вот, чайку попьёшь, — она дала Коле кучек сахара.

— Ой, спасибо, — обрадовался тот, убирая гостинец в карман и направляясь к дверям.

Сахар был редким лакомством. Вместо него употребляли кубики сушёной сахарной свёклы, которую специально выращивали на огородах.

— Да, Николай, вот ещё что. На уроке труда завтра Елена Петровна с девочками займётся, а ты сходи-ка с ребятами к барскому дому за кирпичами. Надо бы печь в школе поправить к зиме.

Усадьбу Бибиковых, бывших владельцев деревни Городки, сожгли в годы революции. Куда после Гражданской войны хозяева подались, никто из односельчан не знал и особо не интересовался². Обгорелый барский дом потихоньку разбирали на кирпичи — большие, прочные, каждый по четыре с половиной килограмма весом. «Добыть» их было делом довольно трудным.

— Ладно, Дарья Николавна. Всё сделаем. До свиданья.

— Успеха тебе!

Коля накинул пальто, перешитое из плащ-палатки, и, не застёгивая его, вышел из кирпичного одноэтажного здания школы. Директор глядела из окна, как, размахивая в такт широким шагам свободной рукой, идёт он по улице — высокий в отца (уже под метр восемьдесят!) и элегантный, несмотря на трудное военное время.

Одежду в семье Егоровых мастерски шила-перешивала мать Пелагея Ивановна, умелая портниха. Заодно и полдеревни она обшивала, за что ей платили продуктами: молоком, крупой или зерном. И людям помощь, и большой семье подспорье. Дарья Николаевна и сама, бывало, пользовалась её услугами.

Тут техничка пошла по коридору с колокольчиком, началась перемена, и директор, закрыв кабинет, поспешила по делам в учительскую.

Коля размеренно шёл по знакомой дороге, стараясь вжиться в роль учителя. Впрочем, он не очень-то волновался: городковская ребятня его уважала. Скоро он отвлекся от предстоящих уроков и залюбовался золотящимися холмами и перелесками, вьющейся между ними речкой Вязовнёй, притоком Дона, убранными и вспаханymi полями.

Вон из-за того леса летом 1942 года слышалась канонада: фашисты рвались к райцентру — городу Данкову. Мимо деревни летели вражеские бомбардировщики. Однажды над Городками, где стояла на отдыхе наша часть, кружил самолёт-разведчик. После этого пехотинцы ушли на передовую. Фронт приблизился вплотную, но скоро врага начали отгонять всё дальше и дальше. Опасность оккупации миновала, но женщины и старшие девчата ещё недели две оставались мобилизованными на рытьё оборонительных траншей, которые, по счастью, негодились. С ними была и Валя Дудина, заслужившая там письменную благодарность военкома товарища Бредихина.

Колины мысли сами собой обратились к любимой девушке. Пошёл второй год, как он влюбился и других девчонок не замечал. Да и кто из них мог

Николай Егоров. 1946 г.

сравниться с Валюшей?! Ладная, изящная, опрятная, с ровными русыми косами, модно уложенными корзиночкой, с тонкими чертами лица, умными светло-серыми глазами и лучистой доброй улыбкой, она казалась Коле самой красивой, самой лучшей. Подруги дразнили её «белой барыней» за аккуратность и любовь к чистоте, но это они от зависти. Валя и танцевала бойко, и пела на вечеринках приятным высоким голосом, и успевала в школе лучше всех деревенских девчат. Спешне-Ивановскую семилетку она окончила почти на одни пятёрки в 1943 году и теперь училась в средней школе в большом селе Малинки, куда Коля писал ей письма. Когда же они теперь встретятся?..

Вот и Городки показались из-за поворота дороги. Улицы — Заречная, Харбовка и Слобода — живописно раскинулись по берегам Вязовни. Потому, видеть, и назвали деревню Городками. Здесь родина всех Колиных предков. Сам он москвич, родился в 1930 году на Николин день в Бауманском районе, а крестили его в Елоховском соборе, где и великого поэта Пушкина. Летом 1941 года большая семья Егоровых эвакуировалась в родную деревню. Младший брат Ваня учился во втором классе в Городках, средний брат Лёня — в пятом классе в Спешне-Ивановке, а маленькая Тоня была дошколёнком. В просторной кирпичной егоровской пятистенке ютилось девять человек: их пятеро с матерью, бабушка Мавра, худая высокая старуха, очень набожная, всегда в чёрное одетая, похожая на неё тётка Варвара, которую за быстрые порывистые движения прозвали Самолёт, красивая статная тётя Маша Шалыгина,

Алексей и Пелагея Егоровы с дочкой Ниной. Около 1953 г.

младшая сестра отца, и её красавец сын Миша, двумя годами старше Коли.

Жили в тесноте, да не в обиде, как говорится. Дети учились, а летом работали вместе с взрослыми в колхозе «Пролетарский труд», названном так по предложению деда. Спиридон Данилович, хоть и считался зажиточным хозяином благодаря своему кузнечному мастерству, но в колхоз всё отдал добровольно: и скот, и семена, и инвентарь, и кузню. Может, учли ещё, что сын в Гражданскую кузнецом у Буденного был. Только ковать колхозных лошадей деду довелось недолго: в начале тридцатых годов умер от рака. Пришлось колхозникам в другие сёла к кузнецам ездить, потому как передать городковскую кузню было уже некому: перед коллективизацией Колин отец продал любимого жеребца Орлика

и подался в Москву работать на завод в кузнечный цех, где неплохо платили. Обосновавшись в столице, женился в 1929 году на юной односельчанке Пелагее Самоваровой, дети пошли...

Осенью 1941 года отца взяли на фронт в артиллерийскую часть: пушки — то на лошадях возили, да и орудиям ремонт требовался — без кузнеца никак. Провоевал Алексей Спиридонович года полтора, в прямом смысле слова ковал победу на фронте. Комиссовали его после второй контузии, когда при взрыве вражеского снаряда их с напарником засыпало землёй в окопе. Однополчане, по счастью, живыми кузнецов откопали.

Теперь отец продолжал «ковать победу» на танковом заводе, а в прошлом месяце приезжал из Москвы на две недели в отпуск, положенный ему как инвалиду. Только какой там отдых: в колхозе одни бабы, подростки, старики да калеки. А где кузнеца найти? Пришлось Алексею Спиридоновичу засучить рукава. Старую кузню он наладил и всех колхозных лошадей подковал на совесть, всю накопившуюся кузнечную работу переделал не только для городковцев, но и для соседей из села Жуково — их колхоз носил имя Ворошилова. Так и промахал молотом весь отпуск. Ну да ничего, дело привычное — с 12 лет на кузне. Заработал несколько мешков зерна и оставил семье. Коля отцом гордится. Вон с пригорка видна крыша его кузни, построенной рядом с домом.

А правее, на лугу у речки, этим летом они с Валеёй работали на веялке — заграничной, купленной ещё до революции генералом Бибиковым. Коля быстро крутил ручку вентилятора, а Валя и её мать Надеж-

да Ивановна опрокидывали вёдрами на два решета обмолоченное зерно, смешанное с мякиной. Вентилятор мякину выдувал, и чистое зерно сыпалось вниз. Потом его пересыпали в мешки и весело, с песнями везли сдавать на элеватор на железнодорожную станцию Политово. Туда же Коля ездит с матерью за посылками от бабушки Ульяны Павловны Самоваровой, которая в Москве в Октябрьском трамвайном депо работает и шлёт внукам необходимые вещи: одежду, мыло, тетрадки, перья и чернильные карандаши...

Однажды, когда веяли зерно, восьмилетний брат Ванюшка, рано вернувшись со сбора яблок в совхозном саду, топтался рядом. Дети лет с семи тоже старшим посильно помогали: смородину, клубнику, вишню собирали, яблоки. За это им частью собранных фруктов платили. По весне пацанята стерегли от ворон посевы конопли, из которой по осени плелись верёвки. Оставив дома заработанные яблоки, любопытный Ваня так и вертелся у веялки. Тут пшеничная ость отскочила ему прямо в глаз. Мальчик расплакался от сильной рези. А тётя Надя не растерялась: быстро сполоснула руки, отвернула ему веко и языком вытащила соринку. Глаз Ванин остался цел и невредим.

В другой раз во время перерыва Коля, разговарившись с Валею, спросил, как ей удаётся быстро учить уроки и притом получать почти всегда пятёрки. Девушка подумала и сказала:

— А я отвечаю, как по канве вышиваю.

Валя хорошо вышивала, вязала и даже кружева на коклюшках умела плести.

— Как это — по канве? — не понял сразу Коля.

— Ну, когда читаю учебник, выделяю самое главное и запоминаю. Выходит логическая канва. А спросят, я по этой канве все подробности легко восстанавливаю.

— Здорово! А кто тебя научил?

— Да никто, само собой получается. А как же иначе? Не зубрить же, — пожалала худенькими плечами девушка и перевела разговор на другую тему. — А у нас радость: письмо из Мерложек, с маминой родины, получили.

— Это где?

— В Калининской области.

— Так они под немцем были?

— Да. Ох, и намучались в оккупации, страху натерпелись! Тётя Маша — это мамина младшая сестра — пишет, что её и мою бабушку Анастасию Яковлевну Иванову за связь с партизанами в сорок втором фашисты схватили и повели на расстрел, но партизаны их вовремя отбили. Чудом живы остались.

— А ты в Мерложках была до войны?

— Нет, но обязательно как-нибудь съезжу к тётке Маше, когда война кончится³. Ой, зерно с молотилки несут. Пошли дальше веять...

Коля попробовал готовить уроки по Валиному методу и стал тратить на них меньше времени, вперёд материал разбирать. Он и сам раньше примерно так же учил, только не отдавал себе отчёта и не всегда «канву» до конца достраивал...

За воспоминаниями дорога от Спешне-Иванова до Городков показалась новоиспечённому учителю короткой. Вот краснокирпичное здание школы и перед ним высокие пирамидальные тополя. Забора

тут никогда не было — ни к чему. Баба Мавра рассказывала, что двухклассную школу в Городках построил барин Иван Павлович Бибиков по решению сельского схода. Он в Данкове земским деятелем был и предложил на выбор построить школу или больницу. Городковцы сочли, что образование важнее. Эту начальную школу окончили Колин дед, бабушка, отец, мать, тётка и другие родственники. И Валин отец Игнат Андреевич Дудин, который с дедом Спиридоном дружил, тоже здесь учился. Теперь он на фронте воюет полковым поваром. Валя отцу тёплые вещи вяжет и отправляет, а он шлёт семье хозяйственное мыло и гостинцы.

Когда Коля отворил дверь школы, техничка как раз звонила на перемену. Из классов высыпали ребята, кто во что одет. Ваня щеголял в кирзовых сапогах, переделанных старшим братом из больших солдатских.

— Привет, Слон! — весело сказал он, увидев Колю, которого так прозвали домашние за внешнюю флегматичность и рассудительность.

— Здесь я — Николай Алексеевич! — строго поправил Коля младшего брата и постучался в дверь бывшей учительской, где и жила, и работала эвакуированная преподавательница второго и четвёртого классов — миловидная женщина средних лет, которую ребята любили.

— Здравсте, Елена Петровна. Меня Дарья Николавна прислала на замену.

— Здравствуй, Коля. Хорошо, что быстро пришёл! Я тут совсем замыкалась с четырьмя классами. Вот тебе учебники. Осталось два урока —

Городки. Дом, где находилась школа. Фото 2013 г.

арифметики и рисования. С первачками цифры попишете и примеры на сложение и вычитание до десяти. А третьеклашкам объяснишь эти задачки. Здесь у Нины Николаевны заложено. На рисовании рисуйте, что хотите. Да, в первом классе оценок ставить не надо.

— Помню, Елена Петровна, у меня же брат прошлый год первоклашкой был.

— Ванюша молодец, быстро всё схватывает, пишет хорошо и читает. Упрям только.

«Ну вот, и учительница подметила, — подумал Коля. — Не зря мы его Быком прозвали».

— Тетрадки по арифметике после урока собери и проверь. Ну, перемена кончается, пойдём-ка, я тебя представлю, — закончила инструктаж Елена Петровна.

Техничка прозвонила на урок, и они вошли в класс. На ряду парт у окон сидели первоклашки, а ближе к стене — третьеклассники. Всего было двадцать учеников.

— Дети, на время болезни Нины Николаевны вас будет учить Николай Алексеевич. Внимательно его слушайте, не шалите, — строго наказала Елена Петровна и пошла к своим классам.

Представлять учеников Коле не было нужды: всех ребят он и так знал, и они его тоже. А как управиться с двумя классами, он придумал заранее. Задал первачкам писать цифры, пока те выводили их, задачку третьеклашкам объяснил и подобную им написал на доске. Прошел вдоль ряда первоклашек, поправил цифры у некоторых в тетрадках, задал им простые примеры решать, а тем временем третьеклассницу к доске вызвал. Девочка справилась с задачей: значит, понятно объяснил. В конце урока тетради, проверенные Ниной Николаевной, ученикам раздал, домашнее задание на доске написал, а тетрадки по арифметике собрал для проверки.

На рисовании детям было с Колей ещё интересней. Четырнадцатилетний учитель предложил им изобразить домашних животных, кто каких хочет, и сам точными движениями набросал мелом на доске изящного оленя, рассказав, что таких разводят на Севере.

Отпустив учеников по домам, Коля остался в классе проверять тетрадки, исправляя ошибки остро отточенным красным карандашом. Домой он пришёл ближе к обеду. Погладив пасшуюся на лужайке у дома любимую белоснежную козу Белку, по-

ившую всю семью жирным вкусным молоком, без стука вошёл в горницу: дверь была не заперта — никто в деревне не воровал. Навстречу вышла с самодельной куклой шестилетняя Тоня. Передние зубы у неё выпали полгода назад и новые уже выросли.

— Привет, зубастик! — пошутил Коля. — Вот тебе гостинчик, — он достал из кармана кусочек сахара.

— Спасибочко! — обрадовалась девчужка и сразу принялась за угощение.

— Ну почему всё Рыбке да Рыбке?! А мне? — заревновал Ваня, называя сестрёнку домашним прозвищем.

— Потому что она девочка. Это во-первых. А во-вторых, она маленькая! — отрезал старший брат. — Ой, здрасте, тётъ Мань! — поздоровался он с выходящей из-за ширмы тётей Маней Буяновой, которая пришла к матери на примерку. Её дочь училась в девятом классе в Малинках вместе с Валеё.

— Здорово, Коль, — отозвалась гостья. — Слушай-ка, я завтра в Малинки еду по колхозным делам, Таньке картошки завезу да яицек. И Вальке достанется. Ох и умная девка! Сама хорошо учится и моей лентяйке помогает. Кабы не она, Таньку давно б из школы выгнали. А так хоть тройки получает. Ты Вальке-то письмо будешь нынче писать? — заговорщицки подмигнула она.

— Конечно, тётъ Мань, — смутился Коля.

— Ну, приноси ко мне на Заречную. Только не поздно.

— Скоро зайду.

— Коль, картошка в печке, хлеб на столе, — сказала мать. — Как поешь, сходи за водой.

— Ладно, мам.

Переодевшись, быстро покушав и принеся два ведра воды, он сел за письмо любимой девушке. К огорчению Коли, она стеснялась отвечать на его письма. Но он всё равно писал при любой okazji, чтобы чего доброго она не забыла его. Ревновал: в конце лета за Вале́й стал приударять один парень постарше, тоже Коля, сын пасечника. Всё мёдом её пытался привлечь. Она, правда, шарахалась от этого Коли с мёдом, как от зачумлённого. Но всё равно неприятно.

Написав Вале о своих уроках в городковской школе, Николай призадумался и ещё добавил новость о пойманном им в Вязовне огромном голавле. То-то была радость! Богатый улов пришёлся очень кстати: в воскресенье приехали на велосипедах в гости из старинного села Бигильдино, что в 12 километрах от Данкова по дороге на Скопин, мамин брат Сергей Иванович Самоваров с женой Евдокией. Дядя имел высшее образование, воевал на фронте офицером, а теперь, демобилизовавшись, работал директором Бигильдинской школы, преподавал там физику и математику. Дядя Серёжа и тетя Дуся привезли племянникам гостинцы: вкусные сортовые яблоки из школьного сада...

Коля закончил письмо как всегда: «До свидания, любимая подруга. Целую тысячу раз. Твой друг Николай». Расписавшись и поставив число, он сложил письмо треугольником, положил в карман и, выйдя в сенцы, взял новое, собственноручно сплетенное лукошко: корзины и верши из ивовых прутьев у него очень хорошо получались. Коля положил в лукошко душистых яблок из Бигильдина, другой ру-

Вид на Харбовку. Детский рисунок Е.Н. Егоровой. 1974.

кой подхватил ведро, намереваясь на обратном пути проверить поставленную на речке вершу, и пошёл на Заречную.

— Вот, тётъ Мань, Вале Дудиной передайте.

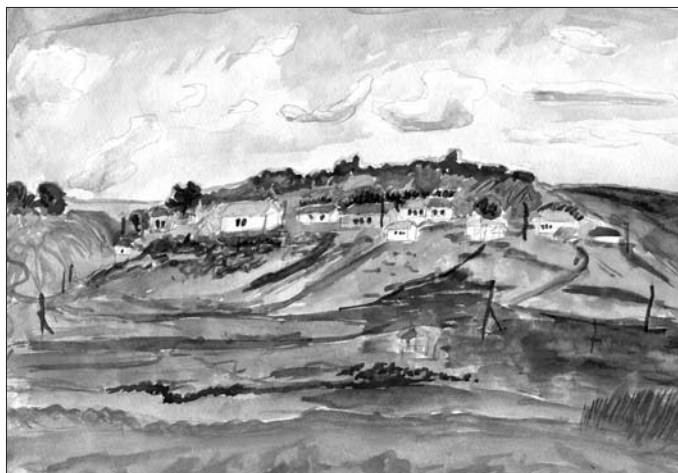
— Передам, не беспокойся, — понимающе улыбнулась та. — Слушай-ка, Коль, а отец твой на будущий год в Городки к нам приедет?

— Не знаю. Приедет, наверно, если отпуск дадут.

— Хорошо бы приехал. Вот кузнец от Бога! Лошадей всех подковал — любо-дорого! Савраска-то больно норовист был. Копыта, что ль, у него болели. Алексей Спиридоныч почистил их да подковал, теперь куда как спокойней жеребец стал.

— Ну я пойду, тётъ Мань?

— Иди, иди.

Вид на Заречную. Детский рисунок Е.Н. Егоровой. 1974.

Он спустился к реке, где его дожидался Ваня с маленьким ведром. Брату не терпелось проверить свою вершу, но без присмотра ему ещё не разрешали лезть в реку: Вязовня хоть и мелкая, но быстрая, холодная. К тому же Ваня ранней весной, ступив на тонкий лёд, провалился по пояс и весь вымок. Старший брат помог ему выбраться, а он домой прибежал, одежду скинул и в промокших майке и трусах на печь забрался: боялся, что мать заругает. Но Пелагея Ивановна была женщиной очень выдержанной, тактичной и в душе интеллигентной, хоть и всего два класса образования имела. Младшего сына она тогда бранить и наказывать не стала, молча дала переодеться в сухое и отправила в школу.

Сняв сапоги и пальто, Коля закатал штаны, залез в воду и вытащил обе верши: свою большую и Ванину поменьше. Улов оказался неплох, хоть и мелкая всё рыбёшка попалась: карасики, плотвички, пескари да несколько колючих ершей. На ужин хватит. Братья сложили рыбу в вёдра и принесли матери. Потом Коля сходил в правление колхоза почитать газету «Правду», чтоб рассказать завтра ученикам известия с фронтов: радио в деревне не было. Новости оказались очень хорошие: наши успешно наступали в Прибалтике и Восточных Карпатах.

Вечером он сделал домашние задания, переданные из школы с братом Лёней. В клуб не пошёл: кино нынче не показывали, а на посиделки ему без Вали не хотелось. Коля полистал букварь, прописи и учебники, готовясь вести завтрашние уроки. Уснул он под монотонные вечерние молитвы, которые читали баба Мавра и тётя Варя перед большой иконой Богородицы, висевшей в красном углу. Этот образ набожная бабушка когда-то давно привезла из паломничества в Новоиерусалимский монастырь...

Прошла неделя. С поручением директора юный учитель вполне справился и после выздоровления Нины Николаевны вернулся в свой седьмой класс. В Городках он больше не преподавал, зато иногда вёл уроки математики в Спешне-Ивановской семилетке, когда учительницы болели. Ему даже заплатили за учебные часы 36 рублей! Это был его первый денежный заработок. Сумма хоть и небольшая, но ощутимая: работники совхозов получали тогда рублей 200 в месяц. Коля купил на рынке дефицитной соли, а остаток полочки отдал матери.

Миновала последняя военная зима и наступила победная весна 1945 года. Бои с фашистами шли уже в Европе, всё ближе к Берлину. Вернулся в деревню после ранения Валин отец Игнат Андреевич, и его сразу же выбрали председателем колхоза: мужик он был дельный, хоть и любил выпить, с односельчанами ладить умел. 9 мая послал он двух колхозников что-то купить в Данкове, и те привезли долгожданную весть о капитуляции Германии. Она мгновенно разнеслась по деревне. Все выбегали из домов, целовались, обнимались, пели от радости. Председатель с бабами наварили пшённой каши и белого хлеба испекли. Эту кашу, густую-прегустую — ложка в ней стояла и не падала — привезли детишкам в школу вместе с вестью о Победе. Счастье было неопишное! Великий праздник! Ваня кашу съел, а главное лакомство — белый хлеб — матери и сестрёнке домой принёс, по Колиному примеру. В Спешне-Иванове школьников тоже угостили и на радостях отпустили с уроков.

*Игнат Андреевич
Дудин. 1946 г.*

Семилетку Николай закончил даже лучше Валентины: в свидетельстве почти все пятёрки, только две четвёрки — по русскому и немецкому языкам, а у неё была ещё четвёрка по военной подготовке. Ну да это дело не девичье.

Надежда Ивановна и Валя Дудины. 1945 год

Почти всё лето 1945 года и он, и Валя снова трудились в колхозе. Рабочие руки там были ох как нужны: с войны трудоспособными, кроме Игната Дудина, пришли в деревню пока только два мужика. Остальные или погибли, или калеками стали, или ещё воевали с японцами. Повезло ему и Вале, что живы их отцы.

В августе 1945 года Егоровы вернулись в Москву в свою комнатёнку в коммуналке: Николаю надо было поступать в техникум, а младших детей определять в школу. Скоро и Валентина приехала в столицу. Её взяли учиться без экзаменов на бухгалтеря в Московский политехникум сразу на второй курс, хотя набор был уже закончен. Помогли хорошие оценки за девятый класс.

Поселилась она в Сокольниках у своих тётюшек, сестёр отца Татьяны Андреевны Дудиной и Натальи Андреевны Хлопковой. Николай точного адреса любимой девушки не знал, несколько дней настойчиво искал её, все Сокольники пешком исходил. И нашёл! Три года они дружили и поженились 23 мая 1948 года, как только жениху исполнилось 18 лет.

Первое время жили у тёти Тани, потом Валентина окончила политехникум с отличием и получила распределение в подмосковный посёлок имени Дзержинского на химический завод «Луна» в литейный цех.

И Николай вскоре туда же устроился. Когда в 1949 году родилась первая дочь Люся, молодожёнам сразу же дали небольшую комнату в фибролитовом доме буквально в двух шагах от завода. Поначалу Николай работал слесарем, потом мастером, а как техникум окончил, перешёл в конструкторско-технический отдел, где долгое время был заместителем начальника. Вся трудовая биография супругов Егоровых оказалась связанной с этим заводом, который потом вошёл в Люберецкое НПО «Союз».

*Валентина и Николай
Егоровы с дочкой Люсей.
1953 г.*

Антонина и Иван Егоровы. Середина 1950-х гг.

Средний брат Николая Алексей (Лёня) умер в 1951 году от свирепствовавшей тогда чахотки. Брат Иван, Антонина и младшая сестра Нина, родившаяся после войны, вышли в люди. Все получили высшее образование, сёстры работали конструкторами энерготехнического оборудования, а Иван Алексеевич — старшим референтом по атомной энергетике в Совете Министров СССР.

Прожили Николай Алексеевич и Валентина Игнатьевна Егоровы вместе 52 года, все трудности, все болезни, радости и огорчения пережили, двух дочерей вырастили и двух внучек. О военных годах в родной деревне Городки и о самом первом Дне Победы помнили всю жизнь. Такое не забывается, как первая любовь, ставшая судьбой.

*Валентина и Николай Егоровы с дочерьми
Людмилой и Еленой. 1989 г.*

Примечания

¹ Часы сохранились. Я передала их в Дзержинский историко-краеведческий музей.

² Владельцем деревни Городки Рязанской губернии был действительный статский советник Иван Павлович Биби-ков, член Данковской земской управы. Известно, что в 1920 году офицер с таким именем, воевавший в Белой армии, эвакуировался из Крыма в Турцию, в Галлиполи. Но полной уверенности, что это именно бывший владелец Городков, нет.

³ Желание Валентины осуществилось только в 1965 году. Она провела летний отпуск у тётки Марии Ивановны в Мерложках с двумя дочерьми.

Сокращения

ОЗХМ — Опытный завод химического машиностроения.

НИХТИ — Научно-исследовательский химико-технологический институт.

**Памяти мамы
Валентины Игнатьевны
Егоровой**

Угасло солнце для тебя земное,
И начат путь иного бытия.
О дорогая мамочка моя!
В воспоминаньях ты всегда со мною.

Твоя любовь и ласковое слово,
Как прежде, согревают сердце мне.
И в утешение порой во сне
Твой милый образ воскресает снова.

Хоть жизнь прошла не то чтоб идеально,
Ты не копила лишнего добра
И к ближнему душой была добра.
С небес ты смотришь нежно,
беспечально.

Грехи твои искуплены страданием
И чистой верою последних лет.
Оставила ты тихо бранный свет
В святом на Божью милость упование.

Когда свершил священник отпеванье,
И отлетело всё дурное в ад,
Окутал тело тонкий аромат —
Как будто райских роз благоуханье

Зефир принес в морозы издалече.
Но был покоен твой усопший лик
Средь хризантем с вкраплением гвоздик.
И верилось, что запах роз — предтеча

Того, что дом у цветников чудесных
Готов душе твоей... Уходит грусть,
Когда Христу я за тебя молюсь.
И ты молись за нас в саду небесном.

Содержание

Памяти сестры Людмилы. <i>Очерк</i>	5
Памяти Людмилы Дудиной. <i>Стихи</i>	11

Паломничества и путешествия

Киево–Печерская лавра	14
Великий Устюг	16
Троице–Сергиева лавра	18
В Сергиевом Посаде	19
Осень в Дивееве	20
Благодатный Огонь	22
Крещение Господне	24
Вознесение	26
Старая Европа	28
Венеция	30
Вечерний Париж	32

Память сердца

Ностальгия	34
Панихида	35
Снежное видение	36
Мир старинных фотоснимков	38
Отражения былого	40
Домики старого Косина	41
Моя берёза	42
Заброшенный храм на снимке	44
Поэт и Вечность	46
Поэтические дали России	46
Струны бытия (памяти Лермонтова)	47
Ясный месяц (памяти Есенина)	48
Читая Ахматову	49
Умершим близким	50

Православное сердце России

Цветы Куликова поля	52
Церковь Покрова на Нерли	53
Крестный путь России	54
Православное сердце России	55
Святки	56
День святой Троицы	57
Весна, Победа и Любовь	58
На Угреше	59
Душа России	60
Осенины	62
Родное слово — дух народа	63

Угреша малиново-звонная

В монастырском саду	66
Лебединое стихотворение	68
Мой берёзовый край	70
Воскресный вечер	72
Угрешский родник	73
Ноябрьское утро в обители	74
Дорога к храму	75
Рождественское утро	76
Угреша малиново-звонная	78

Песни о Екатерининской обители

Подмосковья тихие картины	80
Святая Екатерина	82
Баллада о Екатерининской пустыни	84
Крестный ход	87
Петровская ярмарка	89
Новомученики Российские	91
Вечер в Екатерининском монастыре	93
День святой Екатерины	95

Моления и думы

Ночное моление	98
Думы о Боге	99
Святые подвижники	101
Молитва о заблудших	102
Всенощная	103
Бессонница	104
Моления святого Силуана Афонского	105
Читая Евангелие	109
Делая добро	110
О славе	111
У костра	112
Кто мы?	113
Мир безбожника	114
Юность и старость	115
Испытание безверием	116
Помилуй!	117
Молитва о мире в России	118
Новые ироды	119
Идолы потребления	120
Молитва о музыке	121
Свет Божий	122
Молитва и молва	124
Неба голубой мазок	125
Морская пена	126
Полёт мысли	127
Сияющий крест	128

Русская глубинка

Зелёные просторы	130
Русская глубинка	132
Родное разнотравье	134
Предутренний покой	135
Дорога домой	136
Эх, дороженьки	137
Лилии	138

Свет и вода	140
Закат на русском севере	142
Капли майского дождя	144
Тайна осени	145
Убывающий месяц	146
Луна	147
Подарок на Покров	148
Зимняя мечта	150
Зимняя муза	152

Крымские зарисовки

На южном берегу Крыма	154
Предзакатное море	156
Штиль	157
Весна в Крыму	158
Облако над морем	159
Южная ночь	160

Заветная любовь

Боярышня	162
Любовь флейтиста	164
Цветок вишни	166
Вешний сон	167
Росток	168
Соловьиный вечер	170
Плач о любви	171
Вздых осени	172
Осенней любви пожар	172
Брошенная женщина	174
Чайная роза	175
Любовь ушла	176
Письмо пленника любви	177
Поздняя любовь	178
Снегири	179
Белые хризантемы	180
Память первой любви	182
Чета стариков	183

Встреча с весной	184
Любовь и ненависть	186
Луна любви	186
Любящие сердца	187
Любовь бессмертна	187
Любовь Господня	188
Ещё два раза о любви	189
Осеннее счастье	190
Заветная любовь	191
Любовь животворящая	192

Зимне–осенние этюды

Музыка Листа	194
Гадание осени	195
Величание осени	196
Осенние тона	196
Сентябрьское	198
Гимн сентябрю	200
Росинка грусти	202
Калейдоскоп настроений	203
Похвала осени	204
Этюд в золотом	205
Осенняя молитва	206
Позднеосенние стихи	208
Ноябрьская радость	210
В ожидании снега	212
Предраассветное	214
Аленький цветочек солнца	215
Время и красота	216
Полуночный снегопад	217
Сюрреальный закат	218
Зимне–утреннее	220
Цветок глоксинии	222
Одинокая звезда	224
Четырнадцатилетний учитель	225

Авторы иллюстраций

Елена Егорова — форзацы, с. 2–3, 42, 53, 61, 71, 109, 129, 131–137, 141–143, 145–147, 149, 151, 153, 165, 166, 169, 171–175, 177, 179, 197, 213, 249.

Дмитрий Шабунин — переплёт, с. 32, 65–67, 72–78, 97, 122, 123, 127, 144, 150, 156, 157, 167, 184, 185, 198–205, 209, 211, 214, 216, 218, 224.

Мария Салькова — с. 152, 155, 160, 221.

Анастасия Шухова — с. 62, 67, 130, 139, 148, 194, 195, 220.

Владимир Шухов — с. 57, 68, 69, 170, 178.

Елизавета Нистратова — с. 41, 60, 111, 158.

Виктор Жижирин — с. 51, 89. **Ольга Сухова** — с. 181.

Инок Сергей (Волков) — с. 79–80, 95, 193, 207, 219.

На с. 159 воспроизведён этюд А.И. Куинджи «Облако» (Самарский областной художественный музей).

На с. 164 воспроизведена картина Джорджоне «Флейтист».

Иллюстрации на с. 47, 48, 56, 162, 169, 191, 215, 217, 223 — компьютерный дизайн автора на основе фотографий и различных изображений.

Изображённые места, не указанные в тексте

Никола-Угрешский монастырь — с. 37, 40, 55, 69, 70, 65–78, 123–128, 150, 198–200, 203–205, 209, 211, 214, 216, 218, 224.

Екатерининский монастырь Московской епархии — с. 35, 51, 79–95, 101, 103, 104, 193, 207, 219.

Ферапонтов Лужецкий монастырь — с. 44–45.

Вознесенская Давидова пустынь — с. 13.

Окрестности дер. Городки Данковского р-на Липецкой обл. — с. 132, 133, 135, 147, форзац 2.

Окрестности дер. Кремичное Думиничского р-на Калужской обл. — с. 129, 131, 134, 136, 137, 142, 143, 145, 146, форзац 1.

Изображённые лица, не указанные в тексте

Святейший Патриарх Алексей II (1929–2008) — с. 97.

Император Николай II с супругой Александрой Фёдоровной и дочерью Ольгой. 1896 г. — с. 161.

Польский поэт Константин Галчинский с женой Натальей — с. 177.

Дудина Л.Н. (с. 1, 5–15, 19–31, 33), Егорова В.И. (с. 33).

Егоров Н.А. (с. 225), Егорова Е.Н. (с. 7, 8, 16, 19),

Гайдук Л.В. (с. 21, 27, 33), Красильникова Е.В. (с. 162).

Елена Николаевна Егорова

Под вечной сенью небосклона

Стихи и очерки

Технические редакторы: *В.Н. Киселёва,*

Е.Н. Егорова

Корректор *О.С. Бахтиярова*

**Литературное объединение «Угreshа» Московской
областной организации Союза писателей России**

121069, г. Москва, ул. Б. Никитская, 50А/5, стр. 1.

<http://www.lito-ugresha.narod.ru>; lito_ugresha@mail.ru

**Благотворительный фонд содействия социальной
помощи и защиты нуждающихся жителей
города Дзержинский «Наш город»**

140090, Московская обл., г. Дзержинский,
ул. Лесная, 18. Тел./факс 8-495-550-63-40

Сдано в набор 15.06.2013. Подписано в печать 25.08.2013.

Формат 70x100/32. Гарнитура «Bookman». Печ. л. 8,0.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Тел.: (49638) 2-10-23, (495)745-84-28.

<http://www.oaompk.ru>, oaompk@oaompk.ru.

Заказ № 3867

ISBN 978-5-9903866-5-5

9 785990 386655